

Константин Бальмонт

ЯСЕНЬ

Видение древа

Ибо я зачарую мое сердце и помещу
его на вершине древа в цветке.

Египетская сказка о двух братьях

НАВЕК

Как мыши точат корни Игдразила,
Но ясень вечно ясен в бездне дней, —
Как дым течет из звонкого кадила,

Но счета нет для ладанных огней,
И чуть священник приподнимет руку,
Есть фимиам, и есть мольба теней, —

Как в мире вслед чуть дрогнувшему звуку
Помчался вихрь, и вот уж вечен гром,
И дед передает свирели внуку, —

Как в камне скал есть звонкий водоем,
И будет петь, копя ключи для жажды,
Так буду петь о царствии твоём, —

Любовь, что я узнал во сне однажды.

СОЛНЦЕЗЕРНЬ

Когда я жил еще на Солнце,
Зерно среди зерен,
И дух был в светлом волоконец,
Никто не черен, —
Когда одни златые зерна
Себя качали,
И было все огнеузорно,

Нигде печали, –
Когда Земля была намеком,
Луна виденьем,
Когда в кипенье златооком
Все было пеньем, –
Я между зерен был сильнее
В игре зернистой,
И потому люблю я, рдея,
Мой пламень чистый.

Когда Луна была Землею,
Без разделенья,
Когда Земля была с Сестрою
Одно виденье, –
Когда в могучих выдыханьях
Растенья-звери
Тянули щупальца в дрожаньях,
Страшась потери, –
Когда на ветровых мальстремах,
Гореньем дики,
В плавучих пламенах-хоромах
Сквозили лики, –
Я меж сновидцев был светлее,
Как образ жгучий,
Вот почему люблю я, млея,
Мой стих певучий.

Когда Луна, простясь с Землею,
Как Месяц медный,
Ушла в простор своей стезею,
И стала бледной, –
Когда, в Сестре увидя Брата,
Она, тоскуя,
Постигла счастье возврата
И поцелуя, –
Когда в любви, что так красива,
Узнали души,
Что нет блаженства без надрыва,
Волны без суши, –
Я меж Земных и Земно-Лунных
Пронзен был светом,
И должен я в виденьях струнных
Пребыть поэтом.

Когда зловещею воронкой
Спустились духи
Туда, где гаснет пламень тонкий,
Нет звона в слухе, –
Когда, причудливы и хмуры,
Взросли гиганты,
Младенцеликие Лемуры,
Огне-Атланты, –

Когда драконились узоры
Сребристой черни,
И были пламенными взоры
От солнцезерни, –
Когда восторг сердец был страшен,
Любил я в гневе,
Вот почему, лишенный башен,
Я весь в напеве.

ЧАС И ДОМ

Мне нужен час, мне нужен дом,
Чтоб мыслить мир, что жив кругом.
Мне нужно время и пространство,
Чтобы соткать ему убранство.
Мне нужен дом, мне нужен час,
Чтобы затеять свой рассказ.

Как зыбкий дом я выбрал Море,
Плыву в крутящемся просторе.
Как час назначил Полночь я,
Когда ломается струя.
Велел, пьяня миры игрою,
Быть светом тьме, быть свету тьмою.

Построив стройность пирамид,
Я знал, что час их раздробит.
Раскинув желтые пустыни,
Я знаю, день забрезжит синий.
И быстрый всадник на коне,
Летя к себе, летит ко мне.

Два войска – в двойственном пожаре,
Но мной – в одном они угаре.
Я рознь одна в тех двух враждах,
Я смелость их, и я их страх.
И я на тихом поле брани
Луна в колдующем тумане.

Как гусеница ест листок,
Но животворен мотылек,
Я змей шипящий и грызущий,
И кондор Солнца, змея бьющий,
Я благовонная пыльца,
Да светит ландыш без конца.

ЗВЕЗДНАЯ ПЛЯСКА

1

Баю – баю-баю-баю.
Я слышу песенку родную.
Все горе мысли затаю.
Всю боль сознания зачарую.
Я в бездне звезд узнал мою.
Нашел в ней арфу золотую.
Баю-баю-баю-баю.

2

Пламень тонкий
Я воронкой
Передам.
Я мелькаю,
Возникаю
Здесь и там.

Я пьянящий,
Веселящий
Метеор.
Веря раю,
Я играю,
Зыблю хор.

Много было
Огнекрыло,
Млела мгла.
Много было,
Что могила
Вновь взяла.

Много будет,
Кто забудет
Свой исход.
Мчись, мгновенье,
Через пенье,
В хоровод.

В вихре счастья,
Сладострастья,
Крайний час.
В межпланетных
Снах несметных
Мой рассказ.

В миг сладимый
Я незримый

Проскользну.
Я качаю,
Расцветчаю,
Жгу весну.

Радость глазу,
Я алмазу
Пламень дам.
Врину в льдины
Я рубины
Здесь и там.

В сумрак красный
Дух согласный
Мчит зарю.
Над мирами
Я громами
Говорю.

Ходом молний,
В жарком челне
Проплыву.
Час веселья,
Сон и хмель я
Наяву.

Я ребенок,
Смех мой звонок,
Цвет мой ал.
Ты ли, ты ли
Этой были
Не узнал?

3

Солнце вспыхнуло. Подобен луч мечу.
На лихом коне лечу, лечу, лечу.

Степь звенящая. И нет нигде станиц.
Птиц ли хочется? Как много в мире птиц.

Зверь ли яростный бесстрашного зовет?
Мчи скорей к нему. Вперед, вперед, вперед.

Конь мой огненный. Нет равного ему.
Он промчал меня сквозь бархатную тьму.

Видит за сто верст. Ушами сторожит.
И как жизнь сама, бежит, бежит, бежит.

Конь мой знающий. Узда его звезда.

Не споткнется, не падет он никогда.

Я куда с конем? Хоть знаю, умолчу.
Степь изведать всю хочу, хочу, хочу.

4

Ах, как длинны эти тени. Те косые. Те кривые. Без конца.
Были длинны. Все длиннее. Все темнее. Не рассмотришь их лица.
Солнце было. Грело жаром. Красным шаром закатилось там вдали.
Все ль изжито? Звон подковы. Стук копыта. Путь далекий. Путь в пыли.
Ах, как воеет этот ветер. Пыль наносит. Пылью кружит. Пыль метет.
Сколько их, песчинок малых. Сосчитать ли? Разгадать ли? Жуткий счет.
Еду. Еду. Кто я? Что я? Где я? Сплю я? Взор мой ищет по степям.
Изнутри себя я вижу. И не знаю, здесь ли я или вон там.
Странный свист несется сверху. Сонмы малых. Еле зримых смутный бег.
Шелест. Шепот. Окаймленья. Паутина. Зов. Покров. Постель. Ночлег.
Где я? Что я? Конь мой белый. Сам я в снеге. Ах, не все ли мне равно?
Я в безбрежном. Я в бездонном. В озаренном. Засыпаю. Утопаю. Тише. Дно.

5

Многосозвенную змею
Созвездья дружные сковали.
Из грани в грань по Бытию.
Какие легкие вуали
Струят в веках свою струю.
Как звезды дышат без печали
Баю-баю-баю-баю.

МЕД ВЕКОВ

Сперва я увидел, что мир есть песнопенье,
И я, дрожа, его пропел.
Потом я нараспев сказал стихотворенье,
То был вторичный мой предел.
Потом я начертал на камне заклинанье,
Перстообразный взнес алтарь.
И круглую луну впустил в ограду зданья,
Я был певец, колдун и царь.
Теперь, когда прошли ряды тысячелетий
И завершился круг племен,
Я помню эти дни, когда все были дети,
Как ясно помнишь яркий сон.
От вкрадчивой луны ушел к иным я чарам,
Лесной я изменил луне.
И был как во хмелю, пьянясь цветным пожаром,

И было солнце богом мне.
И там, где взметы гор, где кондор верхолетный,
И там, где желтый сон пустынь,
Сын солнца, мед веков я накопил несчетный,
Богов венчая и богинь.
Еще сменился ряд победных ликований,
И, отойдя от пирамид,
Давно плывет мой ум в колдующем тумане,
Вновь факел ночи мне горит.
Но не луна, свеча и бледная лампада
Над ветхим саваном страниц
Меня ведут туда, откуда силой взгляда
Я вызываю сонмы лиц.
Алхимик пыльных руд, восторг пресуществленья
Из древних выманил я строк,
Я молнии велел прийти из усыпленья
И в тяжкий плуг ее запрег.
Летаю коршуном, взлетаю альбатросом,
Предвижу ход и нрав комет,
И к лунным, наконец, хочу взлететь откосам,
Все руны разобрав примет.

ЗАКОН СВЕТИЛ

Закон светил есть пляска постоянства,
Но есть звезда, которая летит
Не в правиле размеченных орбит,
Вне чисел, с пряжей строгого убранства.

От Солнца к Солнцу путь через пространство,
Взнесение размерных пирамид
Сложением спокойно взятых плит,
Но есть угадка вкось, чей смысл шаманство.

Смотри в лесу, как спутаны следы
С людским умом враждующего волка,
Как конская завита Лешим челка.

Колдуй в ночах над люлькою воды,
Да на коврах волшебная иголка
Зазыбит лунный храм, сплотивший льды.

ОТ СОЛНЦА К СОЛНЦУ

От Солнца к Солнцу – пламень умягченный,
Ночная лютня снов звезды к звезде, –

Я чую соответствия везде,
Я, цвет Земли, в расцвет Небес влюбленный.

Я вечно упадаю в Дух бездонный,
Всем гнетом тела, в невесомость, где
Тень череды уступит череде,
И будет тишь – как колокол всезвонный.

Я должен долгий путь пройти сполна.
Не для меня ли Демоны качали
Живую люльку вымыслов и сна?

За пеленой сомлеет пелена.
Как хорошо мне в лунной здесь печали,
Душа-невеста снегом убрана.

ИМЕНА

Есть волшебство вещей и их имен,
Есть буквенное, нет, лишь звуковое
Гадание в преджизненном покое,
Что, угадавшись, выявило сон.

Есть в бедных селах колокольный звон,
Есть яростность в ликующем гобое,
Их слушаешь, и хочешь слушать вдвое,
Затем, что в них угадан небосклон.

От пламеней вселенского пожара
До первых капель кроткого огня,
Что влагой стал, дождем упал, звеня, –

В сознание звуковая зрела чара,
Колодец угадания, без дна.
Так всколосились в мире имена.

ТАЙНА

Среди древнейших землеописаний
Забыт один могучий океан,
Меж тем как самый яркий в нем обман
И самый нежный свет, как в зыбкой ткани.

Безумна водокруть его рыданий,
Звенящей мглы пьянительный кальян
В веках тоски земле от неба дан,

И звездный смысл сквозит в священной дани.

Единое из всех земных морей,
Где можно пить. И пьем мы ненасытно.
Вселенная глядит в него. И слитно

С бездонностью наш разум, как ручей,
Лиясь из тайн, втекает в тайну, льется.
Тот океан здесь музыкой зовется.

КАНУН

Что лучше в мечте многозвонной,
Чем полный надежды канун?
Смычок, чуть коснувшийся струн.
Любовь в предулыбке влюбленной.
Наш дух в несвершенностях юн.

Что лучше, чем цветик оврага,
Цветущий на мленье снегов?
Рожденье, в камнях, родников.
Пленительна пряная брага,
Во здравие юных богов.

Что лучше родных навечерий,
С мерцанием ласковых свеч?
Восславим заветы предтеч.
Раскроем для счастья все двери.
Кто ждет, – и дождетя он встреч.

НАРУЧНИ

Качаюсь. Качаясь, качаю.
Тихонько и верно точу.
Скольжу по оконному краю.

В душе возжигаю свечу.
Прочтя заклинанье в алмазе,
По острому острому черчу.

Вселенная – в видящем глазе.
Вселенная будет моя.
Сотрутся железные вязи.

Ветров заиграет струя.
Сорвется оконная рама.

В утонченных наручнях я.

В тюрьме. И в преддверии храма.

ПОЮЩЕЕ ДЕРЕВО

Я дошел до звенящего дерева,
Там ветви слагались в храм.
Благовонное алое марево,
Огонь и жертва богам.
Я стоял у поющего дерева,
Был брат я шмелям и жукам.
И с пчелой устремлялся я в зарево,
Был пономарь мотылькам.

Я стихами
И мечтою,
Молодою,
Им звонил.
Под ветвями,
Меж цветами,
Был в том храме
Звон кадил.
Я с Весною,
Как струною,
К свету, к зною
Говорил.
Были взоры,
Разговоры,
Были хоры
Нежных сил.
Я с осою
Полосою
Нижних воздушных летел,
Я смеялся,
Расцветался,
Забавлялся,
Как хотел.

Вот с пчелою отягченной
В улей сонный я лечу,
В улей звонный, отдаленный,
Держим путь мы по лучу.
Вот и бронзовка, с крылами
Как златистый изумруд,
Зеленя над цветами,
Потонула в гулком храме,
Радость в песне, Солнце с нами,
Здравствуй, бронзовка, я тут.

И в этих чашах,
И в этих кущах
Ветвей поющих,
И пчел звенящих,
В благоуханье,
И в озаренье,
В оцепененье,
И расцветанье,
Упившись медом.
Первичным млеком,
Я с вешним годом,
Нечеловеком, –
Нечеловеком,
По тайным всходам,
Лечу и рею,
И разумею,
Мечтой моею
Всхожу к порогам
Иного сада,
Иного лада,
Иного строя,
Где заодно я
С Всесильным Богом,
Мы Вечность мерим
Весенней птицей,
Веселым зверем,
Их вереницей,
Лучом, зарницей, –
Средь снов текущих,
С пчелой, летящей
Сквозистой чащей
Ветвей цветущих,
Я в райских кущах,
В весне манящей
Я стих звенящий.

ЗВЕРЬ-ЦВЕТОК

Ведя как бы расплавленным металлом,
Хочу в стихе я вывести узор.
Есть зверь-цветок, зовущийся кораллом.

Цветок с цветком, пост безгласный хор.
Они растут согласными чертами,
Слагая титанический собор.

На кратере потопшем, чередами
В столетиях свою свивая цепь,

Восходят звери мерными рядами.

Их мысль, и хоть, и сон, и явь, и лень
Сцепляются. Их белые скелеты
Лазурь волны преобразают в степь.

В лагунах изумрудом млеют светы
Еще усиле тысячи цветков,
И остров встал, кораллом Солнцу спетый.

Твердыня встала круглых островков,
В их круге тишь зеркальная лагуны,
Псалом, зверями вылепленных, слов.

А Океан кругом рождает струны,
Бросая волны сонмами лавин.
Изваян перстень, вложены в нем руны.

В морях миров ход творчества един.

Я ИГРАЮ БЕРЕГАМИ

Я играю берегами,
Рыбаком идя по ним,
Обсуждаю с облаками,
Пламень глянет ли сквозь дым.

И когда, как ночи, тучи
Вдоль драконят свой объем,
Голос облака могучий
Я включаю в слово – Гром.

Увидав, как в беге пьяном
Пляшут синие валы,
Глубь я назвал – Океаном,
И морям пою хвалы.

Месяц с Солнцем – я венчаю,
Месяц должен быть женат,
Без жены я сам скучаю,
И всегда обняться рад.

Слыша шелест меж листьями,
Видя в ветре шаткий лист,
Шелестящими устами
Я сложил свой первый свист.

А за первым миллионный
Страх возник, любовь, восторг,

Я во впадине уклонной,
В горле, воздух слов исторг.

Ветры, птицы, травы, звери
Были б только тенью сна,
Если б им, в различной мере,
Не пропел я имена.

В пляске мысли веря играм,
Всем зверям веду я счет,
Тигр скажу, и вот я с тигром,
Молвлю слон, и слон идет.

В мигах звуком мир угадан,
Нить дана золотая мне,
Вьется, курится, как ладан,
А клубок – в другой стране.

ЛАРЕЦ

Сквозь черную сетку стволов и ветвей,
И редкое кружево листьев зеленых,
Я вижу, как серый поет соловей,
И вижу я песню в чуть зримых уклонах.

Всем телом в напев – как изваян, как влит,
Приподнял головку флейтист затаенный,
То шире, то уже он горлом свистит,
Ручьятся журчанья свирели влюбленной.

Он странно мне близок, угадчик-певец,
Я помню столетий минувших апрели,
Близ птицы в себе ощутил я ларец.
В волшебном сокровища звуков звенели.

Широкое А, и глубокое У,
И смутное М, вместе с Л во влюблены:
Сливались, – тебе закричал я «Ау!»
И мы целовались, узнав себя в пенье.

НЕМОЙ УРАГАН

В руках Математика – вихри, он может разлить их в циклон,
И вдруг, еле видимым знаком, смиряет разнузданность он,
Пожар числовой размещает, качает немой ураган,
И звезды в бездонности слышат, что путь им в размерности – дан.

ВЕТВИ

Дендриты, ветви, древовиды.
Идут, за ликом лик лоя,
От подземельного червя
До чарования Изида.

Ветвятся руки и росток,
Крестообразно мирозданье,
Пылинки, чарой сочетанья,
Мы сложим в каменный поток.

Нагромоздим любовь, обиды,
Слова, поэмы, царства, сны,
Тысячелетья тишины,
В тени Закатной Пирамиды.

ВОДОВОРОТ

Люблю чуть зримых малых тварей
Линейно-прихотливый вид.
Геометризм радиолярий
О вихре солнц мне говорит.

Реснички хищных инфузорий,
Проворных жгутиков игра
Мне говорят о звездном хоре
И что любить всегда пора.

А жук-олень – то в праздник юный,
Средь полчищ малых, мастодонт.
И вот я чувствую, как струны
Через весь проходят горизонт.

И запоздавшему столетью,
Его предчувствуя в тоске,
Черчу рассказ я тонкой сетью
На мастодонтовом клыке.

КОЛДУЮЩИЙ

Зеленый свет неявственно мелькал,

Когда в лесу стоял я в грезе сонной –
На ветке, с веткой в млении созвонный,
Тот изумруд вдруг становился ал.

Чуть зримый пламень вкось перебегал, –
Как бы дракон, стократно уменьшенный,
Лиловел, – извивался позлащенный, –
Был серым, как крысиный ответ скал.

Я посмотрел своим дремотным взором
Внимательный, – был вновь зеленым он,
Колдующий, как зверь живущий, сон.

Горел опять оранжевым убором.
Так в первый раз, – напев согласный с хором, –
На древе мне предстал хамелеон.

КРАСОТА

Красота – это радостный возглас Природы,
Красота – это тихий восторг Вещества.
В изобилье разлитые вешние воды,
Переходы скалы, что несчетные годы

Говорят безглагольные руны-слова.
И в пещеру взойдешь лишь на краткость мгновенья,
Но так явственно знаешь – пещера жива,
Вот к звену зазмеилися новые звенья,

Помолчишь, поглядишь, надвигается пенье,
Загораются мысли, колеблясь едва.
От пещеры к душе проскользнет откровенье,
И молчание скал отчеканишь в слова.

ЛИНИЯ ПРИРОДЫ

Как льется линия Природы,
Прямою или кривизной?
Взгляни на гор гранитных своды,
Склонись над зыбкою волной, –
Поймешь, что линия Природы
Должна каприз изведать свой.

И если есть еще сомненье,
Что нужно волю дать мечте,
Следи, как птичек льется пенье,

Как ходят громы в высоте,
Молниеносно убежденье,
Змеиный ход ведет к мете.

МОЛЧАНИЕ

Молчанье выделяется – из сосен ночных,
И в грезе отражается – как спетый стих.
То чье стихотворение – в дремоте ночной?
Не ведаю – но пение меж ветками и мной.

Под солнцем ослепительным – в жужжанье пчел
И в пенье птиц пленительном – я звуки к числам свел.
Но было то игранье – не так, как сейчас,
Сейчас поет молчание и мой глядящий глаз.

Безгласно тени тянутся – от сучьев сосны,
Но взоры не обманутся – в них звон струны.
И глаз ласкает взорами – всю музыку ветвей,
А сверху вторят хорами – планеты мглы моей.

ВЕРНЫМ ПУТЕМ

Путем соответствий,
До пленительных следствий,
Из дробящихся чисел могучий извод, –
Я рею рядами,
Прохожу чередами,
Довожу до свиданья вселенских свобод.

ЧЕТЫРЕЛИКИЙ

Дух и воля – это ветер, что свистит в крылах орла.
Дух с высот причинно веет. Вечность есть и жизнь была.

Страсть и сила – это лики льва и жаркого быка.
Ярки розы красной крови. Сила голоса громка.

Дух крылатый, львинотелый, быкогрудый Сфинкс твердит:
«Знаешь тайну? Помнишь Вечность? Знаешь тайну Пирамид?»

И не знаю что, я знаю, иль не знаю тайну я.
Но во мне есть дух орлиный, и тверда душа моя.

И не знаю, что я помню, иль не помню смыслы плит.
Но как Апис, гордый Апис, весь мой дух огнем горит.

И не знаю что, спугну я чару тьмы, иль не спугну.
Но для всех вещаний Мира я нашел в душе струну.

Возле Сфинкса тихо мысля, невдали от Пирамид,
Я смотрю, как в час заката Небо заревом горит.

И пока пески Пустыни рдеют, словно тени роз,
Я, смотря со Сфинксом в дальность, не боюсь ничьих угроз.

ЗВЕРИНОЕ ЧИСЛО

Да не смутит несведущих сегодня
То, что им было ведомо вчера.
Не праздная в моих словах игра,
И каждый зверь есть стих и мысль господня.

Я тех люблю среди зверей земли,
Те существа старинные, которым
Доверено священным договором,
Чтобы они как вестники пришли.

Меж птиц мне дорог Одиновский ворон, –
Его воспел сильнейший в знанье чар,
Среди земных – болид небес, Эдгар,
В веках тоски рунический узор он.

Мне дорог нильский демон – крокодил,
Которому молилась египтянка,
Желанна мне яванская светлянка,
Мне дорог путь от мошки до светил.

Наш соловей, как рыцарь, слит с луною,
С Венеры прилетела к нам пчела,
Змея из преисподней приползла,
Был послан с ветвью мира голубь к Ною.

И кит был нужен в повести земной,
Лик вечности являет черепаха.
Моя душа – внимательная пряжа,
Кто в пражу слов проник – тот мудр со мной.

ОТ ПРЕДЕЛЬНОСТИ

Заколдованная воля в вещество вошла.
Тяжела людская доля – быть в цепях Добра и Зла.
Зачарованная сила завлеклась собой.
Все, что будет, все, что было, сказка Глуби Голубой.
Мы опять изменим лики, спрятав седину.
Наши замыслы велики, мы должны встречать Весну.
Разрушая изваянья, мы ваяем вновь.
Ты, в которой все – сиянье, брачный день свой приготовь.
Мы опять увидим степи там, где города.
Разрушая наши цепи, мы поем: «Живи, Звезда».
Мы в степях, где день погашен, возведем шалаш.
Мы опять с безмерных башен возгласим, что праздник – наш.
Тяжела людская доля – камни громоздить.
Нет, легка. Светла неволя, если разум крутит нить.
Чрез столетья пробуждая сам себя в веках,
Вижу я рождение Мая в первозданных лепестках.
Здесь я помню, хоть неясно, что дышал я – Там.
О, тебя, что так прекрасна, никому я не отдам.
Здесь стою я на пороге, веря в звездный счет.
Говорят, что сказка Боги. Вон, я вижу их полет.

СКАЗКА МЕСЯЦА И СОЛНЦА

Юноша Месяц и Девушка Солнце знают всю длительность мира,
Помнят, что было безветрие в щели, в царство глухого Имира.
В ночи безжизненно-злого Имира был Дымосвод, мгlistый дом,
Был Искросвет, против Севера к Югу, весь распаленный огнем.

Щель была острая возле простора холода, льдов, и метели,
Против которых, в багряных узорах, капли пожара кипели.
Выдыхи снега, несомые вьюгой, мчались до щели пустой,
Рдяные вскипы, лизнувши те хлопья, пали, в капели, водой.

Так из касания пламени с влагой вышли все разности мира,
Юноша Месяц и Девушка Солнце помнят рождение Имира.
Капля за каплей сложили огромность больше всех гор и долин,
Лег над провальнойю щелью тяжелый льдов и снегов исполин.

Не было Моря, ни трав, ни песчинок, все было мертвой пустыней,
Лишь белоснежная диво-корова фыркала, нюхая иней.
Стала лизать она иней соленый, всюду был снег широко,
Вымя надулось, рекой четверною в мир потекло молоко.

Пил, упивался Имир неподвижный, рос от обильного пира,
После, из всех его членов разъятых, выросли области мира.
Диво-корова лизала снежинки, соль ледовитую гор,
В снеге означились первые люди, Бурэ и сын его Бор.

Дети красивого Бора убили злого снегов исполина,
Кости Имира остались как горы, плоть его стала равнина.
Мозг его тучи, и кровь его Море, череп его небосвод,
Брови угрозного стали Мидгардом, это Срединный Оплот.

Прежде все было бестравно, безводно, не было зверя, ни птицы,
Раньше без тропок толкались, бродили спутанно звезд вереницы.
Дети же Бора, что стали богами, Один, и Виле, и Ве,
Звездам велели, сплетаясь в узоры, лить серебро по траве.

Радуга стала Дрожащей Дорогой для проходящих по выси,
В чашах явились медведи и волки и остроглазые рыси.
Ясень с осинкой, дрожа, обнимались, лист лепетал до листа,
Один велел им быть мужем с женою, первая встала чета.

Корни свои чрез миры простирая, высится ствол Игдразила,
Люди как листья, увянут, и снова сочная тешится сила.
Быстрая белка мелькает по веткам, снов паутинится нить,
Юноша Месяц и Девушка Солнце знают, как любо любить.

СНЕГОВЫЕ РУНЫ

Эти грузные стропила Скандинавского мышленья,
Замороженные глыбы дико вытянутых льдин,
Воздвигают храм нестройный, где лишь бури слышно пенье,
Где лишь ветер, снежный ветер, ветер царствует один.

Так ли? Так ли? Тот, кто видел, как крутится над снегами
Изворотливая вьюга на предвечном берегу,
Он усмотрит оком сердца, что полярными ветрами
Руны полные догадки начертились на снегу.

СНЕЖНЫЕ БОГИ

Я вижу их в сумерках утренних,
Суровых богов Скандинавии,
В дыхании воздуха зимнего
Все едут они на конях.
Вон конь Двоебыстрый весь в яблоках,
Вон конь Златоверхий, весь в золоте,
Конь Грузный, копыто туманное
Конь Вихрь, легконогий размах.

Двенадцать коней огнедышащих,
У всех имена означительны,
Конь Блеск между ярких блистателен,

Острийный меж скорыми скор.
У каждого бога есть пламенный,
Скакун, незнакомый с усталостью,
Лишь Бальдера конь весь был пламенем.
Лишь пешим громовник был Тор.

Куда они едут могучие?
Куда устремляются, строгие?
Что манит к себе ослепительных,
Огнем удвоя их блеск?
Кто скажет? Но льдины ломаются,
Утесы гремят переключками,
Пещеры откликнулись звонами,
В деревьях слышался треск.

Три корня у Древа всемирного,
Один до Богов устремляется,
Другой к Исполинам драконится,
А третий идет в Дымосвод.
Под третьим змеиная ямина,
Оттуда родник пробивается,
Там влажная мудрость качается,
Кипит, и горит, и течет.

Кто этой воды прикасается,
Тот молод и миг и столетие,
Он бросится свежим в сражение,
Он любит все в первой любви.
Сам Один так жаждал той мудрости,
Что отдал свой глаз за глоток ее.
Двенадцать богов устремительных
Желают омыться в крови.

САГИ

Скандинавские саги, железные саги,
Вы обрызганы пеной шумящих морей,
И мерцают в вас слезы, и капли той влаги,
Что гореньями красными мучит людей,
Пробегая в их жилах скорей, все скорей,
Навевая им жажду открытий сокровищ,
Прогоняя их вдаль от родимых домов,
Научая сердца не бояться чудовищ,
Подучая их жечь всякий дом, каждый кров,
Говоря им, что нет им иного закона,
Чем движенье волны, устремленье ветров,
И качанье ладьи, рокового дракона, –
Черный дуб, что познал острие топоров, –
Сага Эйрика, сага Сигурда, Ниалья,

Бормотание Норн, через клетоты в речь,
Кругозвучность морей, что ликует, печалю,
Предрешенный пожар, и решающий меч.

САГА

1

Черту змеиной едины чертой,
Течет ручей, чья чудотворна влага.
В нем боги пьют. В нем мудрость и отвага.
Огонь, венчаный с свежою водою.

Напиток вдохновенный и святой,
Из недр земли исторгнутая брага.
На берегу сидит и грезит Сага,
Пьет с Одним из чаши золотой.

Ручей втекает в пенное Море,
Туда плывет, весь вырезной, дракон,
Корабль-костер, в лазоревом просторе.

Там мертвый Бальдер. Умер, умер он.
И волны вторят в долгом разговоре:
Бог Солнца, Бальдер, будет возрожден.

2

Она сидит, задумавшись глубоко,
Сестра богинь, чей дар священный – речь.
С ней рядом Один. Опершись о меч,
Вперяет в даль единственное око.

Дремотна Сага. Все решенья Рока
Ей ведомы. Исход и ход всех сеч.
Весь обиход людей, разлук и встреч,
Все бережет она в размерах срока.

Из пряжи снов немую нить продлив,
Завяжет в страшный узелок из дремы.
Сплетет из слов высокие хоромы.

Взирает Один строг и молчалив.
И вдруг с плаща в рассказ уронит громы,
Чтоб был конец и грозен и красив.

ЛЕТОПИСЬ ЛИСТЬЕВ

Когда на медленных качелях
 Меняли звезды свой узор,
И тихим шепотом, в метелях,
 Вели снежинки разговор, –
Когда от северных сияний
 Гиганты Ночи не могли
Заснуть, и ежились в тумане,
 Во льдистой колющей пыли, –
Когда хрустением сердитым
 Перекликались по векам,
Над Океаном ледовитым,
 Материки к материкам, –
Когда в чертах тупых и острых
 Установились берега,
Возник священный полуостров,
 Где вещи до сих пор снега.
Доныне зимы там упорны,
 Но нежны помыслы весны,
И до сих пор колдуют Норны,
 В час ворожащей тишины.
Когда, еще без счета, ночи
 Не отмечались там никем,
И не был слышен смех сорочий,
 И лес без певчих птиц был нем, –
Когда в молчании Природы
 Та пытка чувствовалась там,
Что в тесный миг вещает роды,
 Ведет по узким воротам, –
Осина, в бледности невольной,
 Вдруг вспела шаткою листвою,
И перепевом, крепкоствольный,
 Отбросил ясень шепот свой.
О чем два дерева шептали,
 Какая тайна в них была,
Лишь знает Солнце в синей дали,
 Лишь помнит Месячная мгла.
Но ясень мужем стал могучим,
 Осина нежною женой.
А в тот же час, по черным тучам,
 Гроза летела вышиной.

И разорвавшиеся громы,
 И переклички всех ветров,
Молниеносные изломы,
 Ниспали в емкость голосов.
Они возникли отовсюду,
 Из ямин, впадин, и пещер,
Давая ход и волю гуду,
 Меня звуковой размер.

Все было вскрыть льда, дрожанье,
Вся разорвалась тишина,
От комариного жужжанья
До рева ярого слона.
А ясный муж смотрел, любуясь,
На синеглазую жену,
Еще не зная, не целуясь,
Но, весь весна, любя весну.
И был в их душах перешепот,
И ошупь млеющих огней,
Как будто самый дальний топот
В века умчавшихся коней.

ПРОЗРЕНИЕ

Бездонно Небо, но бездонна
Вдвойне – бездонная душа.
Всего достигну непреклонно,
Познав, что Вечность хороша.

Свивая в винт свои мгновенья,
Дам ход живому кораблю.
Весь мир вберу в мое прозренье,
Затем что я весь мир люблю.

УТРО ЗЕМЛИ

Мне нравится Утро Земли во всей красоте безобразий,
В нем глыба до глыбы ползет. Завопил, полюбив, мастодонт.
Сто верст для мазурки громов. Чимборасо для сказок в алмазе.
И ящеры в семь этажей. И везде без людей горизонт.

В БЫЛОЕ ВРЕМЯ

В былое время я жил богато,
Ходило Солнце вокруг меня,
И от восхода вплоть до заката
Лишь мне струило ток огня.
Планеты в небе свивали тропы
Не в празднотии пустом,
А чтобы мог я знать гороскопы,
И в мире верным шел путем,
В былое время и со зверями

Имел я краткий разговор,
Скажу: «Придите», – и шли стадами,
Какой тут мог быть с ними спор,
Они же сами ведь разумели,
Что имена пропел им я,
Что лев быть должен лишь в львином теле.
А раз змея, так ты змея.
И если в лапе прорез занозы
Иной злосчастный чуял лев,
Ко мне смиренный, и чужд угрозы,
Он шел, как овцы ходят в хлев.
Играл я в войны, – и шли кометы,
Я был подвижник, брошен лук, –
И был как столп я, весь в мох одетый,
Гнезвился дрозд в ладонях рук.
В былое время я весь был в Боге,
Был длань, и меч, и тишь, и страсть,
А ныне вечно лишь на пороге,
Чего-то в чем-то только часть.

ТОТ ПРЕДОК

Тот предок был такой же, как гиббон,
Но не гиббон, а брат гиббона сводный,
Средь обезьян властитель благородный,
Взлюбивший в ветках тихий листозвон.

К ветрам любил прислушиваться он,
К журчанью птиц, к игре волны свободной,
Во всем искал он цепи звуков, сходной
С тем, что ему привиделось как сон.

Он первый поднял голову высоко,
И беспричинно так ее держал,
Вверху был круг, велик, лучист, и ал.

Как исполина огненное око,
Он вдруг запел, себя пугаясь сам.
Так звук Земли раскрылся Небесам.

РУКА

Благословляю обезьянью руку,
Хоть страшны мне движения ее,
Затем что, вдохновение свое
Забыв, она утратила науку.

Среди древнейших полуобезьян
Был некто ставший получеловеком.
Зверьми он сопричислен был к калекам,
Не мог он ползать и прямил свой стан.

От предка ли я отрекаться буду,
Пусть был четырехрук он и мохнат?
Рука есть воплощенный в ощупь взгляд,
Рука есть мост к свершению и чуду.

К оттенкам чувства приурочив звук,
Он ключ нашел для полнозвучной гаммы,
Его должны включить в великий храм мы,
Да молится деянью предка внук.

Благословим тот лик, тот мозг, ту руку,
Она схватила молнию в веках,
А после, бога чувствуя в руках,
Потомок подарил циклоны звуку.

ЗАКАТНАЯ ПИРАМИДА

Улетели священные ибисы,
Не алеют озера фламингами,
Пронеслись австралийские лебеди,
Апокалипсис птичий свершен.
И не скажут о Духе нам голуби,
Не расскажут нам детского ласточки,
Только где-то поют пересмешники,
Перепев, перезвук, перезвон.

Не восходят над Нилом папирусы,
Не приветствуют Горуса лотосы,
Только пепельно-черные ирисы
Расширяют испуганный глаз.
Да кровавятся тени закатные,
Расцветают пустыню вечернюю
И о сфинксе, когда-то вещательном,
На песках вышивают рассказ.

АЛЫЙ ИЗУМРУД

Птичка алый изумруд
Распевает, да не тут,
Не над нашими полями,

А за теплыми морями.

Почему ее зовут
Птичкой алый изумруд?
Вся она – как лист зеленый,
Голос – ангельские звоны.

Вся зеленая она,
А на грудке два пятна,
В честь востока и заката
Два зажженные граната.

Легкокрылая она,
Запоет, дрожит струна,
Точно лунный дух печальный
В церкви молится хрустальной.

Если алый изумруд
Люди в клетку закуют,
Вмиг погаснет без возврата,
Нет листка, и нет граната.

СОЛНЕЧНИК

Есть солнечник-колибри. Птичка эта
В свое гнездо вплетает красный мох.
В Бразилии, в стране цветов и света,
Она жужжит, и любит птичку Бог.

Под самкою яички ярко-красны,
Самец летит, как брошенный рубин.
Так меж собой во всем они согласны,
Как будто мир есть красный цвет один.

Всего охотней в алый час заката
Они жужжат, касаясь лепестков,
И венчиков, где ладан аромата
Исходит из цветочных огоньков.

Когда же кровь колибри, кровь живая,
Ему споет, что крайний час настал,
Взлетает к Солнцу птичка, догорая,
И в этот день закат особо ал.

ТИИ-ВИТ

Эта птичка-невеличка,
По прозванию тии-вит,
Точно быстрая ресничка,
И мелькает и глядит.

«Тии-вит» и «Тии-вити»,
Клювик дрогнул, клювик сжат.
На короткой тонкой нити
Две-три бусинки дрожат.

Эта птичка-невеличка,
С ней наверно ты знаком,
У нее гореть привычка
Алым малым огоньком.

В дни, когда все было внове,
Жизнь была как чудо чуд,
У нее три капли крови
Расцвели и все цветут.

Эта птичка знает чары,
Промелькнув огнем в кусте,
В небе выманить пожары,
Вызвать громы в высоте.

Чуть раздастся троекратно
«Тии-вити, тии-вит»,
Ветры встанут всеохватно,
Туча с молнией летит.

И, склонив головку влево,
Смотрит птичка тии-вит,
Как под звук ее напева
Дождь идет, и гром гремит.

МИГ БЛАГОВЕСТИЯ

Я куколка. Я гусеница.
Я бабочка. Не то. Не то.
Одно лицо, и разны лица.
Я три лица, и я никто.

Я точка. Нить. Черта. Яичко.
Я семечко. Я мысль. Зерно.
В живой душе всегда привычка
В веках вертеть веретено.

Я детка малая. Глядите.
Зеленоватый червячок.

Мой час пришел. Скрутитесь, нити.
Дремать я буду должный срок.

Меня не трогайте. Мне больно,
Когда до люльки червяка,
При виде искусства, невольно,
Коснется чуждая рука.

Как малый маятник, я вправо,
И влево, выражу, что сплю.
Не троньте. Сон мой не забава,
Но я подобен кораблю.

Я храм. В мой самый скрытый ярус
Ударил верный луч тепла.
Корабль, дрожа, раскрыл свой парус.
Весна красна. Весна пришла.

Крыло есть признак властелина.
Был жизнетворческим мой сон.
Я око синее павлина.
Я желтокрылый махаон.

Будя полетом воздух чистый,
И поникая над цветком,
Целую венчик золотистый
Я задрожавшим хоботком.

Миг благовестил. Зарница,
Животворящая цветок.
Не куколка. Не гусеница.
Я бабочка. Я мотылек.

ЦАРЬ-ТРАВА

Чтоб с Царь-Травы взять чем она богата,
И тайное в ней воспринять добро,
Ее повинен пронимать сквозь золото,
Иль в круге достичь сквозь серебро.

Ту Царь-Траву не всяк, кто ищет, встретит,
А кто ее нечаянно найдет,
Как бы березку тонкую заметит,
Вдруг нет ее, и где, ищи хоть год.

Но если довелось тебе, случайно,
Вплотную к стройной стати подойти,
Поймешь, что есть здесь огненная тайна,
И златом круг с проворством очерти.

Иль серебром. В нем Месяц. Солнце в злате.
Коснись травы, дыханье затая.
Коснешься в ней глубинной благодати.
Твои – цветы, коль Царь-Трава твоя.

КРАСА ЦВЕТКА

Краса цветка нерукодельная,
Весь цвет свой Богу отдает,
И для пчелы, как чаша цельная,
Хранит в себе душистый мед.

Среди смарагдов, что качаются
Полдненным Солнцем горяча
В лугах, где мысль и мысль встречаются,
Горит цветочная свеча.

Когда же Ночь подходит черная,
И звезды высыпят, спеша,
Им ладан льет нерукотворная
Себя отдавшая душа.

ОТРАЖЕНИЕ

Немой затон задумался, без дна,
Хоть может быть есть где-то дно, глубоко,
Молва его зовет Морское Око,
Моря ушли, но память их верна.

В том озере морская тишина,
Изысканная греза одинока.
Так в мире захотела прихоть Рока,
Хрустальная безгласна пелена.

С высот в затон глядится Месяц сонный,
Отображенный лик преображен,
Колдун безумных, вещих, дев, и жен.

Прядут мгновенья в тишине всезвонной
Действительность и тканый воздух сна.
Прекрасен разум, в зеркало влюбленный.

САД

В начальных днях сирень родного сада,
С жужжанием вокруг нее жуков,
Шмелей, и ос, и ярких мотыльков,
Есть целый мир, есть звездная громада.

Увита в хмель садовая ограда,
Жасмин исполнен лунных огоньков,
А лето с пересветом светляков
Как служба ночью в храмах Китеж-Града.

Он нашим был, весь этот дружный лад
Сплетений, пений, красок, очертаний,
Где был певуч и самый звук рыданий.

В хрустальной глуби музыка услад,
Ушла в затон созвенность стройных зданий,
Но счастлив тот, кто в детстве видел сад.

МЕД

Мне нравились веселые качели,
Пчела, с цветка летящая к цветкам,
Весенний смех и пляс и шум и гам,
Хмель Солнца и созвездий в юном теле.

Но чащи, золотея, поредели.
Мне нравится молчащий гулко храм,
А в музыке, бегущей по струнам,
Глубокие тона виолончели.

Как много убедительности в том,
Что говорят играющие струны:
Не юноши, а мы с тобой здесь юны.

Свирель журчит, слабея, за холмом,
А к нам идут колдующие луны,
И мед густой есть в улье вековом.

САРАСВАТИ

На перьях многокрасочных павлина,
Святого Браммы мудрая жена,
Сидит, – в руке у Сарасвати вина,
На вине светит каждая струна.

Еще стоит на лотосе она,
Всей Индии священная картина,
Глаза миндалевидные без дна,
Цветок мечты, в нем пламень сердцевина.

Богиня пляски, музыки, и слов,
Что ткут стихи в словесном поцелуе,
Медвяный гимн из мировых основ.

С ней, краснопевной, мир наш вечно нов.
Звени, струна, шепчитесь, вихри, струи,
В многосиянье радужных тонов.

ПЕНИЕ

Я был над Гангом. Только что завеса
Ночных теней, алея, порвалась.
Блеснули снова башни Бенареса,

На небе воссиял всемирный Глаз.
И снова, в сотый раз, – о, в миллионный, –
День начал к ночи длительный рассказ.

Я проходил в толпе, как призрак сонный,
Узорной восхищаясь пестротой,
Игрой всего, созвенной и созвонной.

Вдруг я застыл. Над самою водой,
Лик бледный обратя в слезах к Востоку,
Убогий, вдохновенный, молодой, –

Возник слепец. Он огненному Оку
Слагал, склоняясь, громкие псалмы,
Из слов цветных сплетая поволоку.

Поток огня, взорвавшийся из тьмы,
Светясь, дрожа, себя перебивая,
Дождь золотой из прорванной сумы, –

Рыдала и звенела речь живая.

И он склонялся,
И он качался,
И расцветался
Огнем живым.
Рыдал, взметенный,
Просил, влюбленный,
Молил, смущенный,

Был весь как дым.

Размер меня,
Тоска двойная,
Перегоняя
Саму себя,
Лилась и пела,
И без предела
Она звенела,
Слова дробя.

Страдать жестоко,
По воле рока,
Не видя Ока
Пресветлых дней, –
Но лишь хваленье,
Без мглы сомненья,
Лишь песнопенья
Огню огней.

Привет – пустыням,
Над Гангом синим
Да не остынем
Своей душой.
Слепец несчастный,
Певец прекрасный,
Ты в пытке страстной
Мне не чужой.

И если, старым,
Ты к тем же чарам,
Сердечным жаром,
Все будешь петь, –
Мысль мыслью чуя,
Вздыхнув, пройду я,
К тебе в суму я
Лишь брошу медь.

ИНДИЯ

С вершин небес упал на землю Ганг.
И браманы в нем черпают отвагу
Читать миры, смотря умом во влагу.
Там, за холмом, томится гамеланг.
Раскрытый лотос – достоверность дара.
В той чаше голубое есть вино,
Глядящему упиться им дано.
Готовит Солнце празднество пожара.
Мечта звенит. Священный вьется дым.

Как хорошо быть в ладе с Мировым.

ТАНЕЦ ИСКР

Лунный свет, расцветший над водою,
Златооких полный огоньков,
Он горит звездой молодою,
Белый логос в тридцать лепестков.

На заре приходит Индианка,
Нежит тело смуглое в волне,
А поздней крылатая светлянка
Танец искр ведет как по струне.

Но струне извилистой и странной,
Как в ноже Малайском лезвие,
Как извивы губ моей желанной,
Как любовь, где все мое – твое.

Переливы, срывы, и отливы,
Погасить, чтоб вновь сейчас зажечь.
Это ль, в час, когда все сны красивы,
Не души к душе живая речь.

Белый лотос тридцать белых крылий
Развернул и смотрит в водоем,
Расцвети же, лучшая из лилий,
В танец искр мы два огня сольем.

ВЕНЧАНИЕ В СТРАНЕ ЛОТОСА

Когда нареченную
Должны отвести к жениху в предназначенный дом,
Ее омывают душистой водой, чтоб отдать совершенную,
Настой из цветов заправляют пахучим и нежным плодом.

Чуть сумрак ответеся,
Как пчелы облепят цветок, к ней подруги спешат,
Над юною плотью душистое таинство реет и деется,
Да к нежности нежность на праздник любви принесет аромат.

Ее пристыженную
Потом облакают в нетронутый свежий покров,
Сажают ее у огня, чтобы он озарил благовонную,
И чуть прикоснется огня, ублажают высоких богов.

Горят возлияния
Веселому Агни, и Соме, что лунно пьянит,
Гремучему Индре, и Митре, что мечут по небу сияния,
И каждый уважен здесь бог, что в напевных веках именит.

И девами юными
Жених окруженный навстречу желанной идет,
Два сердца поют и звенят переливными звонкими струнами,
И, зеркало в руку ей дав, говорит он, что в травах есть медь.

Над ними сверкание,
Меч старшие держат, и смотрит жених на Восток,
И смотрит невеста на Запад, и в этом завете предвещания,
Что видят они две зари и в один сочетают их срок.

И млеет влюбленная.
И млеет влюбленный, венчанные в счастье идя,
«Я – ты», говорит, «ты же – я», «Небо – я, ты – земля благовонная».
И сыплются зерна на них, как весенняя пляска дождя.

ДЕОДАР

В моей Индусской роще есть древо деодар,
Своим стволом смолистым восходит в высь оно,
Его расцвет походит на призрачный пожар,
Голубоваты ветви, внизу у пня темно.

Зовется древом Солнца то древо деодар,
Еще зовется мощным, и древом чистоты,
Но из ствола исходит неволящий угар,
И паутинят ветви для душ силки мечты.

Восходит стройным кедром то древо деодар,
Как руки в час молитвы, идут ряды ветвей,
Но кто лесных коснулся густых смолистых чар,
Тот древу деодару отдаст всю пряжу дней.

ДО РОЖДЕНИЯ

Еще до рожденья, к нам в нежное ухо
Нисходит с лазурного неба эфир, –
Оттуда имеем сокровище слуха,
И с детства до смерти мы слушаем мир.

Еще до рожденья, от Солнца нисходит
Утонченный луч в сокровенный зрачок, –

И ищет наш глаз, и часами находит
Небесное в буквах всех временных строк.

Еще до рожденья, взлелеяны светом
И мглами и снами различнейших лун, –
Мы стройно проходим по разным планетам,
И в звездные ночи здесь разум наш юн.

Земные, небесны мы в сказочной мере,
Но помним лишь редко тот виденный сон, –
Еще до рожденья, еще на Венере,
В тебя я, о, сердце, был звездно влюблен.

СОНЕТНОЕ ТЕЧЕНИЕ

Когда в стихе сонетное теченье,
Быть может ты споешь и не сонет,
Но по игре чуть видимых примет
Узнаю я его предназначенье.

Волна к волне всегда полна влеченья,
Из глаз в глаза всегда доходит свет,
Яви в зрачках таинственный обет,
Навек меж нами будет обрученье.

В сплетенье строк такая ж тайна есть,
Как между обручением и свадьбой,
Меж липой и старинною усадьбой.

Терцинное сейчас дополню шесть,
И хоть меняю рифму для каприза,
Сонет, как жрец, здесь выткалась вся риза.

КОЛЬЦО

В пиру огней я кравчий был и стольник,
Смотря в алмаз узорного кольца.
Повторный в нем горел восьмиугольник,
И блеск перебегал там без конца.

Люблю многоизменчивость лица,
Перед которым вольный я невольник.
И россыпь грез, кующих круг венца,
И быстрых слов рассыпанный игольник.

Четыре есть стихии в Мировом,

А здесь в алмазе дважды есть четыре.
Игла иглу, остря, торопит в мире.

В кольце намеков на молнию и гром.
Огни растут. Поток лучей все шире.
И все поют: Идем! Бежим! Блеснем!

ПОРТРЕТ

Газель, и конь, и молния, и птица
В тебе слились и ворожат в глазах.
Колдует полночь в черных волосах,
В поспешной речи зыбится зарница.

Есть сновиденно нам родные лица,
В восторг любви в них проскользает страх,
И я тону в расширенных зрачках
Твоих, о византийская царица.

С учтивостью и страстью руку взяв,
Что дополняет весь твой зримый нрав
Пленительными длинными перстами, –

Смотрю на перстни, в них поет алмаз,
Рубин, опал. Дордел закатный час.
И правит ночь созвездными мечтами.

КЛЮЧ

Волшебница дала мне ключ блестящий,
От замка, в чьем саду нее сны Земли
Бессмертными цветами расцвели.
Он был окутан благовонной чащей, –

Он был украшен птицею летящей,
Зарей, разлившей алый блеск вдали,
Как будто духи сок рубинов жгли.
И подходил к разгадке настоящей.

Пред замком мост. Под ним течет река.
В воде светилась бездна голубая.
Вдруг, быстрым кругом птицу огибая.

Другая птица пала свысока.
Я видел кровь. Разжалась вмиг рука.
И ключ упал, чуть всхлипнув, утопая.

ЗНАКИ

Я их читал, бесчисленные знаки,
Начертанные мыслью вековой,
Гадал по льву в скругленном зодиаке.

Чрез гороскоп читал грядущий бой,
Разметил ассирийские дружины
И их пронзил египетской стрелой.

Лик божий, человеческий, соколиный,
По очереди ввел в иероглиф,
Над целым миром был я царь единый.

Мой меч был быстр, двуостр, и прям, и крив,
Мой шлем зверин, и бился я без шлема,
Я избивал неисчислимость див.

На мне порой качалась диадема,
Я убегал от царского венца,
От Вавилона шел до Вифлеема.

Возжаждав жала страсти без конца,
Я уронил свой помысл в звоны систра,
И пел Гатор близ нежного лица.

Как богдыхан, я первого министра
Карал, как сына пестует отец,
Был звездочет, кружились звезды быстро.

Блестящую стрелу стремил Стрелец,
Но был одет я в пояс Ориона,
И мой во всем победный был конец.

Определивши очерк небосклона
Прикосновенным циркулем ума,
Велел звезде не нарушать закона.

О, как полна богатств моя сума!
Но вот, как дважды два всегда четыре,
Не скажет день, не изъяснит мне тьма,

Где мог бы от себя я скрыться в мире!

ЧЕРЕЗ ВЕКА

Звон гонга в сонном рае Богдыхана,
Тончайшие сплетенья шелковиц,
Рожденье лун, привычки редких птиц,
Оттенки льна, росистым утром, рано, –

Созвенность грез, плывущих из дурмана,
Немой рассказ навек застывших лиц,
Все, что в границах, все, что вне границ,
Что ярко, тускло, мудро, нежно, пьяно, –

Услада быть покорнейшим рабом,
И ужас ведать полюс полновластья,
Заря стыда, нагорный снег бесстрастья, –

Сто тысяч лет быть в сером и слепом,
Сто тысяч лет быть зорким в голубом, –
Я знаю все! Не знаю только – счастья!

ЗВУК ЗВУКОВ

Сейчас на Севере горит луна.
Сейчас на Севере бегут олени,
Равнина снежная мертва, ясна.
От тучек маленьких мелькают тени.

На небе стынущем огромный круг.
Какие радуги, луна, ты плавишь?
Когда б на Север мне умчаться вдруг
От черно-белого мельканья клавиш!

СКИФСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Когда земля была пустая,
И был безлюден Скифский край,
Свирелью время коротая,
Жил муж, что звался Таргитай.

Родился в мир он от Перуна
И от Днепрянки молодой,
Тогда все в мире было юно,
Но мир скучал, он был пустой.

Свирель роняла звуки в воду,
Свирель струила песни вдаль,
Но всю безлюдную природу

Безгласно стерегла печаль.

Одна Днепровская русалка
Внимала, как свирель грустна,
Ей Таргитая стало жалко,
Из вод пришла к нему она.

И родились у них три сына.
Был Липо-Ксай, и Арпо-Ксай,
И Кола-Ксай, три властелина,
Но был пустыней Скифский край.

И в Цветень, в месяц снов и мифов,
В день песнеслов и в час игры,
Упали вдруг на землю Скифов
С небес высокие дары.

Соха, ярмо, секира, чаша,
Ниспали быстрой чередой,
Все то, чем жизнь красива наша,
И каждый дар был золотой.

Подходит старший брат, увидя,
Все это, мыслит, для меня,
Но злато, в пламенной обиде,
Оделось вскипами огня.

И так же брат подходит средний,
А злато жжет, – мол, прочь ступай,
И после всех пришел последний,
Смиранный, младший, Кола-Ксай.

Соха золотая остудилась,
Раскрыла землю лезвием,
Ярмо, все в лентах, опустилось
На двух волов, что пашут днем.

Секиру в бой ведет отвага,
А в дни труда она топор,
Лишь в чаше золотая брага
Вечерний расцветает взор.

Достигши края Амазонок,
Два старших брата взяли жен,
И смех детей их ныне звонок,
Где Волга и Ока и Дон.

А младший брат нашел подругу
Полянку, женку у межи,
И вместе с ней идет по лугу,
В венке из васильков и ржи.

Но чуть заржут за степью кони,
Звенит и стонет Скифский край:
Сынам о радостях погони
Свирелит песню Таргитай.

КТО КОГО

Настигаю. Настигаю. Огибаю. Обгоню.
Я колдую. Вихри чую. Грею сбрую я коню.

Конь мой спорый. Топи, боры, степи, горы пролетим.
Жарко дышит. Мысли слышит. Конь огонь и побратим.

Враг мой равен. Полноправен. Чей скорей вскипит бокал?
Настигаю. Настигаю. Огибаю. Обогнал.

ДУГА

*Радуга-дуга, не пей нашу воду.
Детская игра*

1

Всецветный свет, невидимый для глаза,
Когда пройдет через хрустальный клин,
Ломается. В бесцветном он един,
В дроблении – игранье он алмаза.

В нем семь мгновений связного рассказа:
Кровь, уголь, золото, стебель, лен долин,
Колодец неба, синеалый сплин,
Семи цветов густеющая связа.

Дуга небес – громовому коню –
Остановиться в беге назначенье,
Ворота в кротость, сказка примиренья.

В фиалку – розу я не изменю.
Раздельность в цельном я всегда ценю.
Бросаю клин. Мне чуждо раздробленье.

2

Как хорошо в цветах отъединенье:
Что рожь, то рознь, хоть мир есть цельность сна.

Мне кровь как кровь, и лишь как кровь, нужна,
Не как дорога семиизмененья.

Семь струн моих, и в них едино пенье,
Но каждая есть вольная струна.
И медный уголь, и змея-волна,
И среброзлато, все есть опьяненье.

Но ты, что внемлешь мне сейчас, заметь:
Я гром люблю как высшую свободу,
Не красочно размеченную сеть.

Для арфы злато, для чекана медь.
Не пей, дуга, дождей текучих воду,
Мне, капле, дай, средь капель, жить и петь.

КОВЧЕГ ЗАВЕТА

Красный, медный, золотой,
Травка, голубь, глубь небес,
И фиалка над водой,
Полноцветный круг чудес.

Есть и крайняя черта,
Чтоб почувствовать полней:
Перед кровью темнота,
Вся в багровостях теней.

И в другом еще черта,
Берег тот увидь ясней:
Там сверкает красота
Фиолетовых камней.

Ходят громы искони,
Пляшут молнии вверху.
Но воркуют наши дни,
Верь любви, и верь стиху.

Бросься в красные огни,
Буря – свежесть, гром – привет.
Встала Радуга. Взгляни.
Это с Богом есть завет.

УШЕДШИЙ

Доверчиво жил я с тем племенем странным,

Которое в мире зовется людьми.
Но скучно в их празднике скупо-обманном,
Пустыня, раскройся, и сына прими.

Остыл я к людскому. Мне ближе стрекозы.
Летучие рыбки, когда я в морях.
И летние розы. И вешние грозы.
И вечер в горячих своих янтарях.

ПРЕВРАЩЕНИЯ

Из гусеницы гаденькой
Сперва бывает куколка,
Потом бывает бабочка,
Летит, пьянясь слегка.
Мерцает над травинками,
Целуется с былинками,
Питается пылинками
Душистого цветка.

Но этим не кончается,
Летит, летает бабочка,
Вдруг вырастет крылатая
Колибри, вся в огне.
И в рдении и в млении,
Она в жужжащем пении,
Об этом превращении
Сказали Негры мне.

ИЗ ВЬЮГИ

Полиняло поле клевера.
Смолкли клики журавлей.
В беге мига, в смене дней,
Свеял ветер вьюгу с Севера.
О минувшем не жалея.

Посмотри, в какие жгутики,
Воя, вьет снега метель.
Сказок дымная кудель.
В смене снега скрыты лютики.
Лед к весне готовит хмель.

СТРЕЛА

Опять оповещает веретенце
Бесчисленно журчащих ручейков,
Что весело рождаться из снегов
По прихоти колдующего Солнца.

Пчела, проснувшись, смотрит из оконца,
На вербе ей душистый пир готов,
Оставлен темный улей для цветов,
Что тонкое развили волоконце.

Вот за пчелой летит еще пчела.
Другая, третья. Благовестят звоном.
Меж тем сквозь дымы дальнего села, —

Где только что обедня отошла,
К полям, к лесам, и по холмистым склонам,
Летит от Солнца светлая стрела.

ХОДЯЩАЯ СИЛА

Мне снились, в разрыве пожарищ небесных,
Две огненных, бьющих друг друга, лозы,
И мчался Перун на громах полновесных,
Живая ходящая сила грозы.

Откуда идет он? Уходит куда он?
Не знаю, но теплое лето за ним.
И точно заря он, и точно звезда он, —
Одет он рассветом и днем огненным.

Движенье ль он мысли иль страсти Сварога,
Тех синих, тех звездных широт и высот?
Не знаю, но знаю, что ярый — от Бога,
И сердце ликует, когда он идет.

ВЕСЕННЕЕ

Меж сосен лучисто-зеленые пятна
На травах, на нежно-весенней земле.
Уж скоро весь лес расцветет ароматно,
И ласточка сказку примчит на крыле.

Своим щебетаньем рассыплет ту сказку
Лазурною вязью пролесок и сна.

Танцует Весна. Уронила подвязку.
И где уронила, там сказка видна.

Она из зеленых, и белых, и синих,
И желтых, и красных, и диких цветов.
Бесчинствует Леший в лесистых пустынях,
И зайца с зайчихой ославить готов.

ДРЕВОСТУК

Древостук, иначе дятел,
В роще вешней застучал,
Много дыр законопатил,
Много новых означал.
Длинным клювом по деревьям,
Червяковым шел путем,
Многим был конец кочевьям,
Стуки, звуки, шум, погром.
У жучка опочивальной,
Полз испуганный червяк,
И звучало в роще дальней
Таки-тук и тики-так.
«Уж какой несносный дятел!»
Прожужжали комары.
«Все стволы он размохнатил.
Убирайся до поры!»
Комарам не послушая,
Длинноклювый древостук
Веселился, отбивая
Тики-так и таки-тук.

ВЕСЕННИЙ СВЕТ

Завел комарик свой органчик.
Я из былинки сделал шестик,
Взошел на желтый одуванчик,
И пью, нашел медвяный пестик.

Всю осушив бутылку меду,
Зеленый жук, рожденный чудом,
Свечу весеннему я году
Своим напевным изумрудом.

НА МЕЛЬНИЦЕ

Из ореховой скорлупки
Приготовивши ковчег,
Я сажу, поджавши губки:
Где-то будет мой ночлег?
Пред водою не робея,
Для счастливого конца,
Я, находчивая Фея,
Улещаю плавунца.
«Запрягись в мою скорлупку,
И вези меня туда,
Где на камне мелют крупку,
И всегда кипит вода».
Был исполненным догадки
Веслоногий плавунец:
С мышкой мельничною в прятки
Я играю наконец.
Плавунца я отпустила,
Услыхавши жернова.
Он нырнул в домик из ила,
Где подводится трава.
Хороводятся там стебли,
Снизу прячется пескарь.
Плавунец, искусный в гребле,
Между всех нырялок царь.

А подальше от запруды
Заходя за пережат,
В быстром блеске мчатся гуды,
Всплески, брызги, влажный град.
Над вспененным водопадом,
С длинной белой бородой,
Жернова считает взглядом
Мельник мудрый и седой.
У него жена колдунья,
Из муки Луну прядет,
Причитает бормотунья:
«Чет и нечет, нечет, чет».
Насчитает так, до счета,
Пыль тончайшей белизны,
Замерцает позолота,
В небо выйдет серп Луны.
Выйдет тонкий, и до шара,
Ночь за ночью, в небосвод,
Лунно-белая опара,
Пряжа Месяца плывет.

В эти месячные ночи
Воздух манит в вышину.
Разум девушек короче,
Стебли тянутся в струну.

И колдунья с мукомолом,
Что-то в полночь прошептал,
Слышат в сумраке веселом
Прорастанье новых трав.

Я же с мельничною мышкой,
Не вводя избу в изьян,
Прогремлю в сенях задвижкой,
Опрокину малый жбан.
Мы играем с кошкой в жмурки,
Уманим ее на стол.
А под утро у печурки
От муки весь белый пол.

НЕИЗЪЯСНИМОЕ

Неизъяснимо удовольствие
Проникнуть в тайны Вещества,
Услыша птичьи разглагольствия,
Я замыкаю их в слова.

Блуждая дряхлыми селищами,
Я нахожу траву-разрыв.
А если где встречаюсь с нищими,
Бывает нищий прозорлив.

Дружу с слепыми я и старыми,
Еще с детьми я говорю.
Учусь у снов, играю чарами,
И провожаю в путь зарю.

ПО ЗАРЯМ

По зарям я траву – выстилаю шелками,
Уловляю разрыв – в золотой аксамит,
И когда уловлю, – пусть я связан узлами,
Приложу как огнем, – самый крепкий сгорит.

Есть трава белолярь, что цветет лишь минуту,
Я ее усмотрю – и укрою в строку,
Я для ветра нашел зацепленье и путу,
Он дрожит и поет, развевая тоску.

Травка узик – моя, вся сердита, мохната,
Как железца у ней тонкострельны листы,
Над врагом я хотел посмеяться когда-то,

Заковал его в цепь – многодневной мечты.

А травинка кликун кличет гласом по дважды
На опушке лесной так протяжно: «Ух! Ух!»
И ручьи, зажурчав, если полон я жажды,
Отгоняя других, мой баюкают слух.

Также былии цвет есть с девическим ликом,
Листья – шелк золотой, а цветок – точно рот,
Я травинкой качну, – и в блаженстве великом
Та, кого я люблю, вдруг меня обоймет.

ИНАЯ ЖИЗНЬ

Всю жизнь хочу создать из света, звука,
Из лунных снов и воздуха весны,
Где лишь любовь единая наука,
И с детства ей учиться все должны.

Как должен звон Пасхальным быть рассказом,
Чтоб колокол был весел в вышине,
Как пламень должен пляской по алмазам
Перебегать в многоцветистом сне.

ОЖЕРЕЛЬЕ

Тебе дрожащее сковал я ожерелье,
Все говорящее отливами камней,
В нем изумрудами качается веселье,
И грезит гудами рубинный хор огней.

В нем ароматами мечтают халцедоны,
Сквозя с гранатами в лазоревой тени,
И сон, опалами слагая луннозвоны,
Поет усталыми мерцаньями: усни.

ИЗ ДРЕМЫ

Из вещества тончайшего, из дремы,
Я для любимой выстроил хоромы,
Ей спальню из смарагдовой тиши
Я сплел и тихо молвил: Не дыши.

Дыханье удержи лишь на мгновенье.
Ты слышишь? В самом воздухе есть пенье.
Есть в самой ночи всеохватный звон.
Войдем в него, и мы увидим сон.

ОТ СОЛНЦА

Я родился от Солнца. Сиянье его заплелось
В ликование моих золотых и волнистых волос.
Я родился от Солнца и матово-бледной Луны.
Оттого в Новолуние мне снятся узывные сны.

Я родился в Июне, когда в круговратности дней
Торопливые ночи короче других и нежней.
В травянистом Июне, под самое утро, когда
В небесах лишь одна, вселюбовная, светит звезда.

Я от яркого Солнца. Но вырос, как стебель, во мгле,
И как сын припадаю к сладимой родимой земле.
Я родился от Солнца. Так Солнцем я всех закляну,
Чтобы помнили Солнце, чтоб в сердце хранили Весну.

ГРОМОВЫМ СВЕТОМ

Меня крестить несли весной,
Весной, нет – ранним летом,
И дождь пролился надо мной,
И гром гремел при этом.
Пред самой церковкой моей,
Святыней деревенской,
Цвели цветы, бежал ручей
И смех струился женский.
И прежде чем меня внесли
В притихший мрак церковный,
Крутилась молния вдали
И град плясал неровный.
И прежде чем меня в купель
С молитвой опустили,
Пастушья пела мне свирель
Над снегом водных лилий.
Я раньше был крещен дождем
И освящен грозью,
Уже священником потом –
Свечою и слезою.
Я в детстве дважды был крещен –
Крестом и громным летом,

Я буду вечно видеть сон
Навек с громовым светом.

ПОД ЗНАКОМ ЛУНЫ

Под этой молодой Луной,
Которой серп горит над изумрудным Морем,
Ты у волны идешь со мной,
И что-то я шепчу, и мы тихонько спорим.

Так мне привиделось во сне.
Когда же в нас волна властительно плеснула,
Я видел ясно при Луне,
Я в Море утонул, и ты в нем потонула.

Но в полумгле морского дна
Мы тесно обнялись, как два цветка морские.
Нам в безднах грезится Луна,
И звезды новых стран, узоры их другие.

К ЛУНЕ

Ты – в живом заостренье ладья,
Ты – развязанный пояс из снега,
Ты – чертог золотого ковчега,
Ты – в волнах Океана змея.

Ты – изломанный с края шатер,
Ты – кусок опрокинутой кровли,
Ты – намек на минувшие ловли,
Ты – пробег через полный простор.

Ты – вулкан переставший им быть,
Ты – погибшего мира обломок,
Ты зовешь – проходить средь потемок,
Чтоб не спать, тосковать, и любить.

ПОД ВЕТРОМ

Я шел и шел, и вся душа дрожала,
Как над водой под ветром ветви ив.
И злой тоски меня касалось жало: –
«Ты прожил жизнь, себя не утолив».

Я пред собой смотрел недоуменно,
Как смотрит тот, кто крепко спал в ночи,
И видит вдруг, что пламени, созвенно,
Вкруг крыш домов куют свои мечи.

Так верил я, что умоначертанье,
Слагая дни, как кладку ровных плит,
В моей судьбе, осуществляя знанье,
Ошибки всех легко предотвратит.

Но я, свою судьбу построив мудро,
Внимательно разметив чертежи, –
Узнав, что утро жизни златокудро,
Узнал, что вечер счастья полон лжи.

Объемный дом, с его взнесенной башней ,
Стал теремом, где в окнах скуден свет,
В немых ларцах, с их сказкою вчерашней,
Для новых дней мне не найти примет.

Так говорил мне голос вероломный,
Который прежде правдой обольстил,
И в дымный час, скользя равниной темной,
Я в мыслях шел, как дух среди могил.

А между тем за мною гнался кто-то,
Касался наклоненной головы,
Воздушная вставала позолота,
И гул морской был ропотом травы.

Как будто стебли, жить хотя, шумели,
Росла, опять взводимая, стена,
Я оглянулся, – в синей колыбели
Был новый лик, как Новая Луна.

И увидав медвяное Светило,
Что, строя, разрушает улей свой,
Во имя Завтра, бросив то, что было,
Я снова стал бездомный и живой.

ПЯТЬ

Пять гвоздей горит в подкове,
В беге быстрого коня.
Слышишь клич: Огня! Огня!
Слышишь голос: Крови! Крови!
Я далеко. Жди меня.

Как на гусях сладкострунных
Древле пять жужжало струн, –
Как пяти желает лун
Май, что мед лобзаний лунных
Копит в снеге, в лдяном юн, –

Как в мелькающей основе
Пятикратно рдеет нить,
Чтобы взор заполнить, –
Я в твоей, всечасно, крови.
Верь звезде! Должна любить!

ГРЕЗА

Неуловимо дышит шелестами
В зеркальном сне старинный лес.
Невесты. Вести. Взят я прелестями
Благоуханнейших чудес.
Цветы, целованные бабочками,
Цветут, и с них летит пыльца.
Как сладко детскими загадочками
Себя тиранить без конца.

АЛАЯ ВИШНЯ

Алая вишня еще не созрелая.
Белое платье со складками смятыми.
В сжатии нежном рука онемелая.
Сад в полнопевности. Свет с ароматами.

Влажные губы вот только узнавшие.
Спавшие, взявшие сладость слияния.
Нижние ветки чуть-чуть задрожавшие.
Верхние светят. Все знали заранее.

ВДРУГ

Я люблю тебя, как сердце любит раннюю звезду,
Как виденье, что увидишь в зачарованном бреду.

Я люблю тебя, как Солнце любит первый лепесток,
Как рожденье нежной песни в светлой зыби легких строк.

Я люблю тебя за то, что ты телесная душа,
И духовное ты тело и бессмертно хороша.

Ты бессмертное виденье розовеющей зари,
Я любви твоей воздвигну в разных далях алтари.

Аргонавтом уплывая, я прикован к кораблю,
Но чем дальше удаляюсь, тем сильнее тебя люблю.

ВОРОЖЕЯ

Ворожея, ворожея,
Она цвела и расцветала,
Она смеялась и шептала:
«Не видишь разве? Я твоя».

И Бог и жизнь и смерть и я,
Мы все ворожею любили,
И мне она, в весенней силе,
Шепнула: «Я – ворожея».

ЛОЗА

За нежно-розовые кончики лилей,
За нежно-палевые ягоды кистей, –

За чаши белые, в которых мне дано
Вдыхать лобзанием горячее вино, –

За тело стройное, как юная лоза,
За взор узывчивый, в котором спит гроза, –

За голос вкрадчивый, как дальняя свирель,
За дар пленительный отбросить разум в хмель, –

Тебя, желанную, я в огненных строках
Являю взору, восхищенному в веках.

ПЕРЕСВЕТ

Закат расцвел. И золотом расплавленным
Горела даль. А здесь веретено
Жужжало мне. И в чуде взору явленном,

Светилось далью близкое окно.

Закат расцвел цветком неповторяемым,
И целый мир был озаренный сад.
Люблю. Люблю. Путем, мечтою чаемым,
Иду по дням. И не вернусь назад.

В ПОТОКЕ

Каждый миг запечатленный,
Каждый атом Вещества,
В этой жизни вечно пленной,
Тайно просится в слова.

Мысль подвигнута любовью,
Жизнь затеплилась в любви,
Ветхий век оделся новью,
Хочешь ласк моих, – зови.

Я приду к тебе венчанный
Всею тайной Вещества,
Вспыхнет пламень первозданный,
Сквозь давнишние слова.

Что бы ты мне ни сказала,
Если я к тебе приник,
В пене полного бокала
Будет первой страсти вскрик.

Что бы я тебе, вскипая,
Жадным сердцем не шепнул,
Это – сказка мировая,
Это – звезд поющий гул.

И как будто не погасли
Много раз костры планет,
Мы стихом восхвалим ясли,
Славя Новый наш Завет.

И как будто в самом деле
В мире любят в первый раз,
На девической постели
Вспыхнет пламень щек и глаз.

И как будто Фараону
Не являла страсть сестра,
Сердце к сердцу, лоно к лону,
Мы шепнем себе: «Пора!»

Точно так же, точно то же,
Будет новым потому,
Что сокровищ всех дороже
Та она тому ему.

И столетья замыкая,
Поглядят зрачки в зрачки,
Та же сказка, и другая,
Нескончаемой Реки.

И не буду, и не стану
Я гадать, что дальше там, –
Вспыхнув каплей, Океану
Все свое, вскипев, отдам.

ПОД ДЕРЕВОМ

Я сидел под Деревом Зеленым,
Это Ясень, ясный Ясень был.
Вешний ветер шел по горным склонам,
Крупный дождь он каплями дробил.

Я смотрел в прозрачную криницу,
Глубь пронзал, не достигая дна.
Дождь прошел, я сердцем слушал птицу,
С птицей в ветках пела тишина.

Я искал Загадке – разрешенья,
Я дождался звезд на высоте,
Но в душе, как в ветках, только пенье,
Лист к листу, и звук мечты к мечте.

Ясень был серебряный, нехмурый,
Добрый весь с зари и до зари,
Но с звездой – колонной темнотой
Ствол его оделся в янтари.

И пока звезда с зарей боролась,
И дружины звезд, дрожа, росли,
Пел успокоительный мне голос,
В сердце, здесь, и в Небе, там вдали.

И вершину Ясеня венчая,
Сонмы нежных маленьких цветков
Уходили в Небо вплоть до Рая,
По пути веков и облаков.

КРИСТАЛЛ

1

Смотри в немой кристалл, в котором расцветали
Пожары ломкие оранжевых минут,
Весь летаргический, и телом медлил тут,
А дух мой проходил вневременные дали.

Вот снова об утес я раздробил скрижали,
Вот башня к башне шлет свой колокольный гуд.
Вот снова гневен Царь, им окровавлен шут.
Вот резкая зурна. И флейты завизжали.

Разбита радуга. И не дойти до дна
Всего горячего жестокого сверканья.
В расширенных зрачках костряся содроганья.

Бьет полночь в Городе. Ни одного окна,
В котором черное не млело б ожиданье.
И всходит надо всем багряная Луна.

2

Светлый мальчик, быстрый мальчик, лик его как лик камей.
Волосенки – цвета Солнца. Он бежит, а сверху – змей.

Нить натянута тугая. Путь от змея до руки.
Путь от пальцев нежно-тонких – в высь, где бьются огоньки.

Взрывы, пляски, разной краски. Вязки красные тона.
Желтый край – как свет святого. Змеем дышит вышина.

Мальчик быстрый убегает. Тень его бежит за ним.
Змей вверху летит, сверкая, бегом нижнего гоним.

Тень растет. Она огромна. Достигает до небес.
Свет дневной расплавлен всюду. Облик солнечный исчез.

Змей летит в заре набатной. Зацепился за сосну.
В лес излит пожар заката. Час огня торопит к сну.

3

Светляки, светляки, светляки,
И светлянки, светлянки, светлянки.
Светляки – на траве червяки,
И светлянки – летучки – обманки.
Светляков, светляков напророчь,

И светлянок, светлянок возжаждай.
Будешь жить всю Иванову ночь,
Быть живым так сумеет не каждый,
Светляки, светляки, светляки,
И светлянки, светлянки, светлянки.
О, какая безбрежность тоски.
Если б зиму, и волю, и санки.
Я скользил бы в затишье снегов,
И полозья так звонко бы пели,
Чтоб навек мне забыть светляков,
И светлянки бы мучить не смели.

4

И падал снег. Упали миллионы
Застывших снов, снежинками высот,
От звезд к звезде идут волнами звоны,
Лишь белый цвет в текущем не пройдет.

Лишь белый свет идет Дорогой Млечной,
Лишь белый цвет – нагорного цветка.
Лишь белый страх – в Пустыне бесконечной.
Лишь в белом сне поймет покой Река.

СВИСТ

Жужжащий тонкий свист слепня,
То сказка зноя в звенящих крыльях.
Шуршанье шаткого огня,
То пляска вспышек в их изобильях.
Свист крыльев сокола в ветрах,
Когда за быстрой он мчится цаплей,
Несхож со свистом бурь в горах,
Что сеют каплю за светлой каплей.
И свист есть в старом тростнике,
То Ночь бормочет, свой саван свея,
И свист есть снега вдалеке,
То Смерть, вся в сером, скользит, белея.
Из еле слышимых частиц,
Из крошек звука тот шелест-шепот,
Но мастодонт упал в нем ниц,
Всех грузных чудищ в нем замер топот.
Тот свист, тот посвист тайных струн,
Что тоньше тканей из паутины, –
Придет! Кипи, пока ты юн!
Час приготовит снега и льдины!

ВОПЛЬ К ВЕТРУ

Суровый ветер страны моей родной,
Гудящий ветер среди сосен многозвонных,
Поющий ветер меж пропастей бездонных,
Летящий ветер безбрежности степной.

Хранитель верб свирельною весной,
Внушитель снов в тоске ночей бессонных,
Сказитель дум и песен похоронных,
Шуршащий ветер, услышь меня, я твой.

Возьми меня, развей, как снег метельный,
Мой дух, считая зимы, поседел,
Мой дух пропел весь полдень свой свирельный.

Мой дух устал от слов, и снов, и дел.
Всевластный ветер пустыни беспредельной,
Возьми меня в последний свой предел,

САВАНЫ

Эти саваны, саваны! Эти серые, серые!
Или золота в небе нет?
И опять, истомившийся, все узнаю пещеры я,
Но, пронзив их извив, не зажгу златоцвет?

Эти с неба схождения! Эти дымные лестницы!
От костров до слепой черты.
Где же мысли венчальные? Где мои зоревестницы?
Настигает меня водопад темноты.

Устелилась заоблачность вся как волчьими шкурами.
О, пронзи их, нежнейший серп!
Вознеси Полумесяцем над порогами хмурыми,
Дай узнать мне восторг воскресающих верб.

НЕСЧАСТИЕ

Несчастье стоит, а жизнь всегда идет,
Несчастье стоит, но человек уходит.
И мрак пускай снует и каждый вечер бродит,
С минувшим горестным мы можем кончить счет.

Смотри, пчела звенит, пчела готовит мед,
И стая ласточек свой праздник хороводит.
В любом движенье числ наш ум итоги сводит,
Что было в череде, да знает свой черед.

Не возвращаться же нам в целом алфавите
Лишь к букве, лишь к одной, лишь к слову одному.
Я верую в Судьбу, что свет дала и тьму.

О, в черном бархате, но также в звездной свите,
Проходит в высоте медлительная ночь.
Дай сердцу отдохнуть. И ход вещей упрочь.

ЗОЛОТИСТЫМ АМЕТИСТОМ

Золотистым аметистом,
Словно выжженное блюдо,
Раскалившаяся медь,
Расцвеченным, пламенистым,
Золотистым аметистом,
Но с оттенком изумруда,
С успокоенной зарею,
Отдых дав себе и зною,
Дышит дремлющее Море,
Полюбившее не в споре,
А в великом разговоре
В грани дымные греметь.

В ТИХОМ ЗАЛИВЕ

В тихом заливе чуть слышные всплески,
Здесь не колдует прилив и отлив.
Сонно жужжат здесь и пчелки и оски,
Травы цветут, заходя за обрыв.

Птица ли сядет на выступ уклонный,
Вспугнута, камень уронит с высот.
Камешек булькнет, и влаги той сонной
Весть о паденье кругами пошлет.

ВЕЧЕРНИЙ ВЕТЕР

Вечерний ветер легко провеял – в отдалении.

В лесу был лепет, в лесу был шепот, все листья в пении.

Вечерний ветер качнул ветвями серебристыми.
И было видно, как кто-то дышит кустами мглистыми.

И было видно, и было слышно – упоительно,
Как сумрак шепчет, как Ночь подходит, идя медлительно.

АЛЫЧА

Цветок тысячекратный, древо-цвет,
Без листьев сонм расцветов белоснежных,
Несчетнолепестковый бледноцвет,
Рой мотыльков, застывших, лунных, нежных, –

Под пламенем полдневного луча,
На склоне гор, увенчанных снегами,
Белеет над Курюю алыча,
Всю Грузию окутала цветами.

СКАЖИТЕ ВЫ

Скажите вы, которые горели,
Сгорали и сгорели, полюбив, –
Вы, видевшие солнце с колыбели,
Вы, в чьих сердцах горячий пламень жив, –

Вы, чей язык и странен и красив,
Вы, знающие строки Руставели, –
Скажите, как мне быть? Я весь – порыв,
Я весь – обрыв, и я – нежней свирели.

Мне тоже в сердце вдруг вошло копье,
И знаю я: любовь постигнуть трудно.
Вот, вдруг пришла. Пусть все возьмет мое.

Пусть сделаю, что будет безрассудно.
Но пусть безумье будет обоюдно.
Хочу. Горю. Молюсь. Люблю ее.

ТАМАР

Я встретился с тобой на радостной дороге,

Ведущей к счастью. Но был уж поздний час.
И были пламенны и богомольно-строги
Изгибы губ твоих и зовы черных глаз.

Я полюбил тебя. Чуть встреться. В первый час.
О, в первый миг. Ты встала на пороге.
Мне бросила цветы. И в этом был рассказ,
Что ты ждала того, чего желают боги.

Ты показала мне скрывавшийся пожар.
Ты приоткрыла мне таинственную дверцу.
Ты искру бросила от сердца прямо к сердцу.

И я несу тебе горение – как дар.
Ты, солнцем вспыхнувши, зажглась единоверцу.
Я полюбил тебя, красивая Тамар.

ГРУЗИЯ

О, макоце! Целуй, целуй меня!
Дочь Грузии, твой поцелуй – блаженство,
Взор черных глаз, исполненных огня,
Горячность серны, барса, и коня,
И голос твой, что ворожит, звеня, –
На всем печать и четкость совершенства.
В красивую из творческих минут,
Рука Его, рука Нечеловека,
Согнув гранит, как гнется тонкий прут,
Взнесла узор победного Казбека.
Вверху – снега, внизу – цветы цветут.
Ты хочешь Бога. Восходи. Он тут.
Лишь вознесись – взнесением орлиным.
Над пропастью сверкает вышина,
Незримый храм белеет по вершинам.
Здесь ворожат, в изломах, письмена
Взнесенно запредельного Корана.
Когда в долинах спят, здесь рано-рано
Улыбка Солнца скрытого видна.
Глядит Казбек. У ног его – Светлана,
Спит Грузия, священная страна,
Отдавшая пришельцам, им, равнинным,
Высокий взмах своих родимых гор,
Чтобы у них, в их бытии пустынном,
И плоском, но великом, словно хор
Разливных вод, предельный был упор,
Чтобы хребет могучий встал, белея,
У сильного без образного Змея.
Но да поймут, что есть священный Змей,
Но есть Змея, что жалится, воруя.

Да не таит же сильный Чародей
Предательство в обряде поцелуя.
О, Грузия жива, жива, жива!
Поет Арагва, звучно вторит Терек.
Я слышу эти верные слова.
Зачем же, точно горькая трава,
Которой зыбь морская бьет о берег,
Те мертвые, что горды слепотой,
Приходят в край, где все любви достойно,
Где жизнь людей озарена мечтой.
Кто входит в храм, да чувствует он стройно.
Мстит Красота, будь зорок с Красотой.
Я возглашаю словом заклинанья:
Высокому – высокое вниманье.
И если снежно дремлет высота,
Она умеет молнией и громом
Играть по вековым своим изломам.
И первые здесь рыцари Креста,
Поэму жертвы, всем ее объемом,
В себя внедрив, пропели, что Казбек
Не тщетно полон гроз, из века в век!

ЛЮБОВЬ

Любовь есть свет, который жжет и задевает, проходя,
Он сам идет, к себе идет, но нас касается случайно,
И как цветок красив и свеж от капель светлого дождя,
Так мудро счастливы и мы, на миг, когда в нас дышит тайна.

ДРЕВНИЙ ПЕРСТЕНЬ

В ночах есть чара искони,
Издrevле любятся впотьмах.
Закрой глаза. Усни. Усни.
Забудь, что в мире дышит страх.

Я древний перстень снял с перста,
Им мысль скрепляю как венцом.
Уж ты не та. Не та. Не та.
Мы вместе скованы кольцом.

Мерцает в перстне халцедон,
И холодеешь ты во сне.
В тебе чуть внятный звездный звон,
Предайся мне. Лишь мне. Лишь мне.

Заветный камень, волкоок,
В себя вобрал всю власть Луны.
Люби. Люби. Твой сон глубок.
Люби. Мы все любить – должны.

СКВОЗЬ СЛЕПОТУ

Там, где тела – колдующий убор
И многократность долгого наследства,
Не может быть вполне невинным детство,
И бездну бездн таит девичий взор.

Смотри, есть бесконечный разговор
Земли с Луною, в силу их соседства,
И мы всегда ведем, от малолетства,
С земным минувшим многосложный спор.

Шепча «Люблю», мы хищники лесные,
За милой мы следим из-за куста,
Любя, мы словно любим не впервые.

Любовь – война. Любовь есть слепота,
В которой вдруг вскрывается прозренье,
Огонь зари времен миротворенья.

ВЕРХОВНЫЙ ЗВУК

Когда, провизгнув, дротик вздрогнет в барсе,
Порвавши сновиденье наяву,
И алый пламень крови жжет траву,
Я помню, что всегда пожар на Марсе.

В индусе, в мексиканце, в кельте, в парсе,
В их вскриках и воззваниях к божеству,
Я вижу брата, с ним в огне плыву,
И эллин он, он – песнь, чье имя Марсий.

Напрасно мыслил рдяный Аполлон
Свести к струне – что хочет жить в свирели,
В Пифийских играх это мы прозрели.

И если любим звездный небосклон,
Мы любим вихри звезд в ночной метели,
И миг верховный – в нашей страсти – стон.

ЗОВЫ

Есть синий пламень в тлеющей гнилушке,
И скрытность красных брызг в немом кремне.
Огни и звуки разны в тишине,
Есть медь струны, и медь церковной кружки.

«На бой! На бой!» грохочут эхом пушки.
«Убей! Убей!» проходит по Войне.
«Усни! Усни!» звенит сосна к сосне.
«Люби! Люби!» чуть слышно на опушке.

«Ау!» кричу, затерянный в лесах.
«Ау!» в ответ кричит душа родная.
«Молись! Молись!» глубокий шепчет страх.

Я звук. Я слух. Я глаз. Я мысль двойная.
Я жизнь и смерть. Я тишь. Я гром в горах.
И тень бежит, меня перегоняя.

ОРХИДЕЯ ТИГРИНАЯ

В закрыве, в скрове, пламень безглагольный.
Дню не молись, обуглится дотла,
Перегорит, вдали от песни вольной.

В тюрьме лишь от угла и до угла
Весь путь того, к кому через решетку
Глядит Луна, а больше смотрит мгла.

При встрече должен издали трещотку
Чумной завихрить песней кастаньет,
Проказа – чу – за четкой нижет четку.

В безумии страшит любой предмет.
Я в мире сплю и чую орхидею,
На ствол чужой, смеясь, ползет расцвет.

Я вижу все. И разумом седею.

СГЛАЗ

*«...Люди с лицами воронов...»
Халдейская таблица*

Чуть где он встал, – вдруг смех и говор тише,
 Без рук, без ног пришел он в этот мир,
 Приязные его – лишь птицы дыр,
 Чье логово – среди расщелин крыши.

Летучие они зовутся мыши,
 И смерти Солнца ждут: Миг тьмы – им пир.
 Но чаще он – невидимый вампир,
 И стережет – хотя б в церковной нише.

Пройдешь, – не предуведомлен ничем, –
 Вдруг на тебя покров падет тяжелый,
 И с милыми ты будешь глух и нем.

Войдет незрим, – и дом твой стал не тем,
 Недоумен, твой дух стал зыбкий, голый,
 Он в мир пришел, сам не узнал зачем.

А если в том, что вот я пью и ем,
 Хочу, стремлюсь, свершаю в днях стяжанье,
 Скрыт ответ на голос вопрошанья?
 Я созидаю зуб, и клык, и шлем, –

Бесовский плащ, и пламень диадем
 Верховных духов, – весь вхожу в дрожанье
 Скрипичных струн, в гуденье и жужжанье
 Церковных звонов, – становлюсь я всем.

А если всем, тогда и криком, стоном
 Убитых жертв, змеей, хамелеоном,
 Любой запевкой в перепевах лир.

И не сильней ли всех огней алмаза
 Законность притяженья в чаре сглаза,
 Когда скользят беззвучно птицы дыр?

ЧЕРНОЕ ЗЕЛЬЕ

Черное зелье в лесу расцвело,
 Клонится белый прикрыт.
 Волчьи глаза засмеялись светло,
 Сон не один догорит.

Кто-то зачем-то болотом идет,
Кто-то ползет из норы.
Два полудуха, сдержавши полет,
С ведьмой играют в шары.

Шар упадет, загорится гроза,
Дьявольский светится куст.
Ягоды – точно слепые глаза,
Воздух кругом него густ.

ЧЕРНОКНИЖИЕ

Едва качнул он левою рукой.
Взгляд косвенный зеленых глаз был острый.
Наряд его Восточно дорогой

Был змеевидный и двуцветно-пестрый.
Чуть правую ногой протопотав,
Он тихо вскрикнул: «Сестры! Сестры! Сестры!»

И вот явились. Женщина-Удав,
Девушка-Клин, и Старое Долбило.
Все три в венцах из чернобыльных трав.

Не расскажу всего, что дальше было.
Заклятие из трех старинных слов
Шепнув, двуцветный взял свое кропило.

Сгустились громы в дыме облаков.
Пришелиц обнял он поочередно,
И звон возник тринадцати часов.

Весной никак нельзя любить бесплодно.
И полной стала Женщина-Удав,
В ней десять лун мелькали хороводно.

Девушка-Клин, чтоб оправдать свой нрав,
Хрусталь стола толкнула и разбила,
И радуга зажглась в венцах из трав.

Объемной пастью Старое Долбило
Излила кровь, и мрак стал грязно-ал.
В громах явилось новое страшило.

И мир увяз в несчетности зеркал.

ПОМЕСТЬЕ

Знаю я старинное поместье.
Три хозяйки в нем, один Хозяин,
Вид построек там необычаен,
И на всем лежит печать бесчестья.

На конюшне нет коней, а совы,
По хлевам закованные люди,
Их глаза закрыты словно в чуде,
На телах кровавые покровы.

Никогда здесь нет сиянья Солнца,
Здесь не слышен голос человеческий.
Сальные, заплывши, смотрят свечи
Сквозь кружок чердачного оконца.

На сто верст идут глухие боры,
Не пробьется в чаще даже буря.
Леший, бровь зеленую нахмуря,
Сам с собой заводит разговоры.

Покряхтит, подумает, и ухнет,
Поглядит, и свалит дуб широкий.
А в доме Хозяин седоокий
Вмиг бадью в колодец старый рухнет.

Зачерпнет внизу воды зацветшей,
Наземь головастиков уронит,
И как будто что-то похоронит,
И вздохнет от радости прошедшей.

Вдруг ухватит младшую хозяйку
Весь нелепый, взбалмошный Хозяин,
В миге возрожден и чрезвычайен,
И велит играть с собою в свайку.

Старые опять краснеют губы,
Свайка замыкается в колечко,
Тень встает уродца-человечка.
Ах, в поместье игры жутко-грубы.

И пойдет по гульбищам древесным,
Поползет по зарослям сплетенным
Гул существ, как будто звоном сонным
Восстонав о чем-то неизвестном.

Заскрипят по всем хлевам засовы,
И с тремя хозяйками Хозяин,
Хоть молчит, но видом краснобаен,
И в шуршаньях красные покровы.

ПРЕДЕЛ

Скрип половицы
Ночью бессонной,
В доме пустом.
В памяти звонной
Тлеют страницы,
Том догорел.

Мысль увидала
Тление крыши,
Рухнет весь дом.
Зубы у мыши
Остры как жало.
Это – предел.

ИЗ ПОДЗЕМЕЛЬЯ

Она пришла ко мне из подземелья,
Ничем из мира снов не смущена,
Всегда пьяна, без тяжести похмелья.

И прошипела: Я твоя жена.
Я посмотрел с глубоким отвращеньем,
Не веря в то, что молвила она.

Она, моим не тронувшись смущеньем,
Приблизилась и подступилась вплоть,
Ведовским отдаваясь превращеньям.

Их дважды видеть – сохрани Господь.
То грузный червь, то злая обезьяна,
То лик Яги, то вздувшаяся плоть.

Она вставала бесом из тумана,
С глазами на затылке, а к челу
Две лампочки приделав для обмана.

Вдруг раздвоясь, кружилась на полу,
Дрались друг с другом эти половины,
И обе выдыхали чад и мглу.

Изливши кровь, казала лик ослиный,
И пожирала розы без конца,
Дудела в трубку, била в тамбурины.

Закрыв всю стену шкурою лица,
Разъяв ее на мерзостных распяльцах,
Из черепов два сделала венца.

Перстнями гады съежились на пальцах,
В глазных щелях, в лоханке их двойной,
Плясали мухи, словно в узких зальцах.

Я понял, что обвенчан я с Войной.

ВИХРИ

В ведовский час тринадцати часов,
Когда несутся оборотни стриги,
Я увидел, что буквы Древней Книги
Налившиеся ягоды лесов.

Нависли кровью вихри голосов,
Звенели красным бешеные миги,
Перековались в острый нож вериги,
Ворвались в ночь семь миллионов псов.

А в это время мученики-люди,
Семь миллионов страждущих людей,
Друг с другом бились в непостижном чуде.

Закрыв глаза, раскрыв для вихрей груди,
Неслись, и каждый, в розни вражьих сил,
Одно и то же в смерти говорил.

ЗЕЛЬЯ

Я знаю много ворожащих зелий.
Есть ведьмин глаз, похожий на луну,
Общипанную в дикий час веселий.

Есть одурь, что к густому клонит сну,
Как сусло, как болотная увяза,
Где, утопая, не приходишь к дну.

Есть лихосмех, в его цветках проказа,
Есть волчий вздох. Есть заячий озноб.
Рябињи бусы хороши от сглаза.

Для сглаза же отрыть полезно гроб,
В могиле, где положена колдунья,

И щепку в овсяной протиснуть сноп.

Ту гробовую щепку, в Новолунье,
Посей в лугах, прибавь чуть-чуть огня,
Взрастет трава, которой имя лгунья.

Падеж скота, оскал зубов коня,
Дыб лошадиный, это все сестрицы
Травинки той, что свет не любит дня.

Вот конница, все кони легче птицы,
Но только лгуньи поедят в лугах,
Бегут вразброд и ржут их вереницы.

Из тысяч конских глоток воет страх,
Подковы дрябнут, ноги охромели,
Оскал зубов – как ранний снег в горах.

Я знаю много, очень много зелий.

ЗАГОВОР О КОНЯХ

Глубокий след. Пробитый след. Округлый след коня.
В игре побед мне дорог след. Завет в нем для меня.

Возьму струю. В него пролью. Возьму струю отрав.
Где вихрь погонь? Он хром, твой конь. Горит огонь меж трав.

И сто коней, циклон коней, гей, гей, коней твоих,
Сгорел, смотри, в лучах зари. Бери врагов, мой стих.

БЕГ

Песок вскипал. За мною мчались Мавры.
Но легок был мой черноокий конь.
И в этой зыби бега и погонь
Горели мы как быстрые кентавры.

Мне чудилось – в висках гремят литавры.
О, кровь моя! Кипи! Колдуй! Трезвонь!
Я мчусь как дух. Лечу как ведогонь.
Как ветер, в чьем волнении блещут лавры.

Уклонных гор, кривясь, разъялась пасть.
Во мне не страх, а хохот и веселье.
Во мне полет, и пляс, и вихрь, и страсть.

В крови коня ликует то же зелье.
Лечу. Летим. Хоть в Ад на новоселье.
Лишь только б в руки вражьи не попасть!

ЦАРЕВИЧ ИЗ СКАЗКИ

Я был царевичем из сказки,
Всех мимоходом мог любить,
И от завязки до развязки
Вел тонко-шелковую нить.

Хотел громов, мне были громы,
Хотел мечты, плыла Луна,
И в голубые водоемы
Лилась от Бога тишина.

Но, мир по прихоти целуя,
Я встретил белого коня,
Его причудливая сбруя
Вдруг озадачила меня.

Чтобы горячий зверь, который
Огню и буре побратим,
В такие был одет уборы,
Он, чей порыв неукротим.

Глаза газели, грудь девицы,
И шея лебеда, а хвост
Метал июльские зарницы
И огнепыль падучих звезд.

А перепевный звон подковы,
Обутых в звук руды копыт,
Был вечно старый, вечно новый,
Как стебель, вставший из-под плит.

И на таком-то, вне закона
И вне сравненья, скакуне
Кроваво-красная попона
Уродством показалась мне.

На этом диве превосходства,
Кому меж звезд была тропа,
Седло являло с гробом сходство,
Подвески были черепа.

А кто в седле, понять нельзя мне,
Нельзя мне было в миг чудес:

Закрыв глаза, я лег на камни,
Открыл глаза, а конь исчез.

Лишь перепевною подковой
Звенел он где-то вдалеке.
И вот уж ниткою суровой
Стал тонкий шелк в моей руке.

Уж не царевич я медвяный,
Я бедный нищий на пути,
Не знающий, в какие страны
За подаянием идти.

Мне сказки больше незнакомы.
Лишь греза молится одна,
Чтоб в голубые водоемы
Лилась от Бога тишина.

УПРЯМЕЦ

В былое время аист приносил
Малюток для смеющихся малюток.
Вся жизнь была из сказочек и шуток,
И много было кедра для стропил.

Курились благовонья из кадил
Весь круглый год в круговращенье суток.
Я сам сложил довольно прибауток,
Звенел для душ, и мед и брагу пил.

А ныне что? В рычанье шумов ярых
Лишь птицы мести могут прилетать.
Душа людей тоскующая мать.

Вся мысль людская в дымах и пожарах.
И лишь упрямец, все любя зарю,
С ребенком я ребенком говорю.

САМОРАЗВЕНЧАННЫЙ

Он был один, когда читал страницы
Плутарха о героях и богах.
В Египте, на отлогих берегах,
Он вольным был, как вольны в лете птицы.

Многоязычны были вереницы

Его врагов. Он дал им ведать страх.
И, дрогнув, страны видели размах
Того, кто к солнцу устремил зеницы.

Ни женщина, ни друг, ни мысль, ни страсть
Не отвлекли к своим, к иным уклонам
Ту волю, что себе была законом, –

Осуществляя солнечную власть.
Но, пав, он пал – как только можно пасть,
Тот человек, что был Наполеоном.

СОСРЕДОТОЧИЕ

Мне нравится спокойно говорить,
Там в сердце средоточье бурь качая,
На сжатые рук лишь взглядом отвечая,
Прозя распутать спутанную нить.

Не слишком ли легко кричать, громить,
Всю тишину, от края и до края,
Будя, дробя, волнуя, разрывая, –
Не лучше ли разъятость единить?

Художник любит делать то, что трудно:
Плотиной сжать свирепый ход морей,
Пригоршней зерен вызвать шум стеблей, –

Заставить пыль светиться изумрудно,
Велеть лесам, чтоб пели многогудно:
Не это ли есть волшебство царей?

ДВА БОГА

Тецкатлипока, с именем мудреным,
Был в Мексике дразнитель двух сторон,
Влюбленник стрел, избегов, оборон
И плясок боя по обрывным склонам.

С победой ли, с тяжелым ли уроном,
Но биться, бить, сражаться, сеять стон,
На лоне многократных похорон
Быть новых битв неистощимым лоном.

Но возле гор, где зоркий Нагуатль,
Ацтек, взрастил могучие маги,

Где кактусы узлят клубки как змеи, –

Вода морей, чье имя нежно, Атль,
Поет, что, расцветивший орхидеи,
Красив змеиный бог Кветцалькоатль.

ПСАЛОМ ЗЕМЛИ

Я слышу, как вдали поет псалом Земли.
И люди думают, что это на опушке
Под пенье звонких птиц костер любви зажгли.
И люди думают – грохочут где-то пушки.
И люди думают, что конница в пыли
Сметает конницу, и сонмы тел легли
Заснуть до нового рыдания кукушки.
И льнут слова к словам, входя в псалом Земли.

ИСКРЫ ТАЙН

Будут планеты проходить в своих орбитах.
Будет комета. И новая Луна.
Полчища маленьких раковин разбитых
Снова принесет нам океанская волна.

В днях измельчит их движение влаги буйной.
В днях измельчит их – их повторный поцелуй.
Дни их источат в той пляске поцелуйной.
Вот лежат песчинки. Прибрежный вихрь, ликуй.

В зыбях песчаных, как золотом обитых,
Догоранья Моря, мерцаний строй и ряд,
Грезы предельные раковин разбитых,
Искры тайн подводных в последний раз горят.

КЛУБОК

Я взял клубок, но не подозревая,
Что будет нить прястись сама собой
В узоры алый, желтый, голубой,
Клубок скользнул, в нем власть была живая.

И к нити нить мечтой перевивая,
Закрыв глаза, стоял я как слепой.

Узор к узору шел наперебой,
Означилась вся повесть огневая.

Вдруг захотел я отшвырнуть клубок,
Но сам упал, растерянный, разбитый.
И, встав, прочел решение рдевших строк: –

Ты окружен неотвратимой свитой,
И будешь прясть, доколе, из минут,
Часы твой праздник белый не сплетут.

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ

Если хочешь улыбнуться, улыбнись.
Хоть не хочешь обмануться, обманись.
Хочешь птицей обернуться, прыгай вниз.
Пропасть с пропастью на дне звеном сошлись.

Ты над жизнью посмеешься, весь шутя.
Ты в Безвестность оборвешься, не грустя.
Ты в Неведомом проснешься. И хотя
В жизни жил ты, вновь ты встанешь как дитя.

Только, если, самовольство возлюбив,
Возмечтав, что в недовольстве ты красив,
Ты проснешься, заглянувши за обрыв,
Будешь падать, форму формой заменив.

Будешь падать. Будешь падать ты. И лишь
Отдохнешь, опять в падении сгоришь.
Век за веком будешь падать в гром и в тишь,
И на том же месте то же совершишь.

СОН

Спустившись вниз, до влаги я дошел.
Вода разъялась предо мной беззвучно,
Как будто ей давно уж было скучно
Ждать странного. Лишь малый производ
В игранье сил, – сомкнулась влага снова,
Меня отъяв от воздуха земного.
И шел я, не дивясь иным мирам.
Я проходил в том бытии подводном,
Смотря, как вьются в танце хороводном
Виденья снов, как с ними вьюсь я сам.
А над громадой вод ненарушимых

Светила нам плывущая Луна.
И я узнал, скользя в сквозистых дымах,
Что тень любимой мне всегда верна,
Узнал, что в бездне дней неисследимых
Душе поможет жить любовь одна.

ПЛИТА

Немые ветви сон мой закачали,
Цветами доходя до темноты,
Каждением из дыма и печали, –

Видением из дальних дней, где ты,
Куда уж больше досягнуть нельзя мне,
Где я с тобой лишь в зеркале мечты, –

Безвестный знак на придорожном камне.

МОЙРЫ

Ты вела меня спокойно. Ты вела и улыбалась.
Уходила, усмехаясь, в неизвестные поля.
На краю пути былинка еле зримая сгибалась.
Ветерок неуловимый реял, прахом шевеля.
Я оставил дом родимый, гумна, мельницу, амбары,
Золотые сгроможденья полновесного зерна.
Все от ранних миггов детства сердцу ведомые чары,
Вот за мной зима и осень, юность, лето, и весна.
Предо мной единокровность, вне привычных сдвигов года.
Вне закона тяготенья по земле иду легко.
Но не радуется сознанье совершенная природа,
Ухо ловит звуки пенья, там, родного, далеко.
Песнопения успенья, равномерный звон кадила,
Воплощался в цвет лиловый благовонный фимиам.
И полянами фиалок ты беззвучно уходила,
И потоком водопадным свет лился по сторонам.
Но пред странным кособором я застыл в недвижимом страхе: –
Вот, такие, как и снились, ткнут, прядут, число их три,
Это Норны, это Мойры, это Парки, Пряхи, Пряхи
Это Судьбы, Суденицы, на пожарищах зари.
Замыслительницы роков, и ваятельницы далей,
Восприемницы-ткачихи волоконца без конца,
В угаданиях зачатий, приговорщицы ордалий,
Испытующие чувством воспаленные сердца.
Очи юны, кудри стары, нити, нити, пряжа, пряжа,
Ткань нисходит океаном, в каждой капле есть зрачок.

Смотрит пена, смотрят волны, и в высоком небе даже
Вместо Солнца глаз глядящий, бледный Месяц – бледный Рок.
Безграничная всезрящность, всеобъемность шаткой ткани,
Облекла мое сознание в многоликий душный склеп.
И опять мне захотелось быть в незнание, быть в обмане,
И, склонясь пред младшей Мойрой, я, закрыв глаза, ослеп.
А когда глаза раскрылись, чья-то тень ушла бесшумно,
И дрожащими руками тщетно я искал тебя.
Я под ивою плакучей. Вижу сад, амбары, гумна.
Зыбко вижу и не вижу, как мне жить, Любовь любя.

ДОВЕРИЕ

Когда я думаю, что страшный лик уродца
Был первым мигом здесь для Винчи, как для всех,
Я падаю в провал бездонного колодца,
А вслед за мною крик и судорожный смех.

Смеется надо мной сто тысяч звуков страсти,
Которым подчинюсь, когда придет мой час,
В болотце посмотрю, как вьется головастик,
Уборам жизнью всех косою колдует глаз,

Мне странно жутко знать, что даже четки, зерна
Моей любимой ржи, дающей черный хлеб,
Должны искать низин, чтоб в тлении упорно
Сплести зеленые взнесенности судеб.

Но также ведаю, что в золотые слитки
Умею перелить землистую руду,
И апокалипсис читая в длинном свитке,
Я в храм моей души не сетуя иду.

Пахучей миррою, богатым духом нарда
Восходит ладан мой доверия к Судьбе.
Кто я, чтоб лучше быть, чем был здесь Леонардо?
Земля родимая, вся мысль моя – тебе.

AMA NESCI RI

Любви не знать и не звенеть ничем.
Ни торжеством. Ни именем высоким.
Ни подвигом. Будь лучезарно-нем.
Ночным будь Небом, тихим и стооким
Полдненным часом. Солнечным лучом, –
Что видит все, не мысля ни о чем.

ОТШЕЛЬНИК

Меня зовут отшельником-дендритом.
Покинув жизнь, где всюду цепко зло,
Замкнулся я в древесное дупло,
Оно мне стало церковью и скитом.

Я здесь стою в молчанье нарочитом,
Торжественном. Полсотни лет прошло.
Смотря на мир, как в дымное стекло,
Я мыслю в древе, молнией разбитом.

Как мне назвать его, не знаю я.
Зачем мне знать название приюта,
Где здешняя моя пройдет минута?

К дуплу порою приползет змея,
Двурогим языком мелькнет по краю.
Молитвою – ее я прогоняю.

УЖ ПОЛНО

И гнался я на поприщах гонитвы,
И видел кровь на острие копья,
И ведал радость молвить: «Первый – я»,
И знаю весь размах победной битвы.

И в новые пускался я ловитвы,
Опять весной я слушал соловья,
Но вы, к кому вся эта речь моя,
Видали ли когда безгласный скит вы?

Молитву возлюбив, как благодать,
Всецело отрицаясь своеволя,
Ночь тихую избрать себе как мать.

Уйти. Войти. Пусть в башню. Пусть в подполье.
Уж полно мне скитаться и блуждать.
Я здесь свеча, в святыне богомолья.

ПОДВИЖНАЯ СВЕЧА

Не обольщусь пред Богом Сатаню,
Мой Бог есть Бог, и низок Сатана.
Меж мной и адским пламенем стена,
А пламень мой, мой чистый огонь, удвою.

Не поклонюсь лукавцу Громобою,
Иная Богом молния дана.
Мальстремные воронки есть без дна,
И вихри есть с отрадой дождевою.

Не вовлекусь в кружащийся мальстрем.
Мне шлет псалмы мой верховодный гром.
А если в ярых пламенах основа, –

Я нижние те пламени скую,
И, как свечу, я душу мчу мою
В руке Архистратига Огневого.

ПРЕВОЗМОГШАЯ

Хочет меня господь взять от этой
жизни. Неподобно телу моему в
нечистоте одежды возлечь в недрах
матери своей земли.

Боярыня Морозова

Омыв свой лик, весь облик свой телесный,
Я в белую сорочку облеклась.
И жду, да закруглится должный час
И отойду из этой кельи тесной.

Нет, не на баснях подвиг проходил,
Нет, полностью узнала плоть мытарства.
Но, восхотев небесного боярства,
Я жизнь сожгла, как ладан для кадил.

От нищих, юродивых, прокаженных, –
Не тех, кто здесь в нарядной лепоте, –
От гнойных, но родимых во Христе
Я научалась радости сожженных.

И пламень свеч в моем дому не гас.
Не медлила я в пышных вереницах.
Но сиротам витать в моих ложницах
Возможно было каждый миг и час.

Но встала я за старину святую,
За правило ночное, за Того,

К кому всю роспись дела моего
Вот-вот снесу, как чаю я и чую.

За должное сложение перстов,
За верное несломанное слово
Мне ярость огнепальная царева
Как свет, чтоб четко видеть путь Христов.

В веках возникши правильной обедней,
Здесь в земляную ввержена тюрьму,
Я всю дорогу вижу через тьму,
И я уже не та в свой час последний.

Минуты службы полностью прошли.
В остроге, и обернута рогожей,
Зарыта буду я. О сыне божий!
Ты дашь мне встать из матери-земли.

СВЯТЫЙ БОЖЕ

Святой Боже,
Святой крепкий,
Святой бессмертный,
Помилуй нас.
Трисвятая
Эта песня
Душе явилась
В великий час.
Там, в Царьграде,
В час, как с Проклом
Толпа молилась,
Земля тряслась.
Юный отрок,
Духом чистым,
Вознесся к Небу,
И слышал глас.
Святой Боже,
Святой крепкий,
Святой бессмертный,
Помилуй нас.
В Небе ангел
Пел с другими,
Сияли хоры,
Горел алмаз.
Юный отрок
Всем поведал,
И песнь ответно
С земли неслась.
Чуть пропели,

Стало тихо,
Земля окрепла
В великий час.
Святой Боже,
Святой крепкий,
Святой бессмертный,
Помилуй нас.

МОЛИТВА КАЖДОГО ДНЯ

Мне дорого простое сочетанье
Немногих слов и крепкая их вязь,
Где тонет грех, бессилеет страданье,
И где невластен Бездны темный Князь.

Благодарю Тебя, Великий, Сильный,
Дремавший на тонувшем корабле,
Меня понявший в час мой самый пыльный,
Меня принявший, бывшего во зле.

Насущный хлеб я каждый день имею,
И день есть дней, со звоном брачных чаш.
Мечта Господня. Как легко мне с нею.
Я каждый день читаю Отче Наш.

БЕЛОЕ ВЕЯНЬЕ

Кто, белый, там идет от нас?
Проблаговестил звездный час.
И Мать ушла. Ушел Отец.
На нем, на ней – один венец.

Уходит в небо лик снопа.
Сквозь вечер слышен стук цепа.
Зерно к зерну, молотит цеп.
Посев и жатва – путь судеб.

Как нежен этот дух тепла.
Овин. Гумно. Луна взошла.
Благословенье, Светлым, вам,
Что к вышним отошли полям.

НЕТ МЕСТА ТРЕВОГЕ

Нет места тревоге. Нет места унынию.
Коль сам в Мирозданье ты создал себя,
Взгляни же в Бездонность, в ту звездную, синюю,
И верь в свое сердце, свой подвиг любя.
А если ты создан Другим, кто в Безбрежности
Дал капле отдельность, а сам – Океан,
Постигни, какой же исполнен Он нежности,
Дав к правде вернуться, пройдя чрез обман.

ПРЕД ЗЕРКАЛОМ

Два счастья, два тягучие страданья,
Рожденье и падение звезды.
В развитом свитке долгой череды
Все числа ждут ключа для сочетанья.

Где ключ? Где ключ? Ты слышишь ли рыданье
Глубин Огня с потоками Воды?
Всех белых лун опять растают льды
Пред зеркалом полночного гаданья.

Ключ! Ключ! Любовь есть первый верный вскрик
Внемирности донесшееся пенье,
Журчащий гром, взорвавшийся родник, –

Пленительность щемящего влюбленья.
Но Смерть верней в усадях уязвленья.
Приди с ключом, всех чувств моих двойник!

ЗАВЕТРИЕ

Смерть нас в дивное заветрие зовет,
Там плывет видений светлых хоровод.
Там в заоблачном слагаются хвалы
Перед Тем, Кто видит дальше, чем орлы.

Здесь мы вихрями носимы, нет их там,
Здесь метели нам свирели по степям.
Там заветрие в цветы завьет снега,
Море синее не точит берега.

Смерть нас в тихое заветрие возьмет,
Там есть музыка, что сладостней, чем мед,
Там есть светлы, что светлее наших свеч,
Нет разлуки, но всегда есть радость встреч.

ОКО

Я Око всеобъемное. Во мне
Стесненья гор. Их темные уступы
Ведут в провал, где ключ журчит на дне.

Мне хлопья мглы – охваты и ошупы,
Как слизняки, что строят жемчуга,
И замыкают их в свои скорлупы.

Ресничные для Ока берега
Земля внизу и сверху Звездомлечность,
Две крышки гроба, веки, тень врага.

Мой враг – предел. Мой взор уходит в Вечность.
Предметное – лишь вехи для меня.
И я смотрю, считая быстротечность.

Все шире Глаз. Все больше в нем огня.
Когда ж в кострах пустот свой путь планеты
Пройдут, и круг свершат ночей и дня, –

В один объем содвинутся все светы,
Все будет – Око, зрящее себя
И в пламени, где все сгорят предметы,

Потонет Время, Вечность возлюбя.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

En esta vida todo es verdad...

Calderon

1

Я был на зиккуратах Вавилона,
Бог Солнца жег меня своим лучом,
И, жрец, я препоясан был мечом,
А мой псалом был завываньем стона.

Я в жарком Кэми древнего закона
Был солнечник. И мыслил я. О чем?
О том, что Узури – судья с бичом,
И звездный цеп взвивался в вихрях звона.

Я был везде. Я древле был Варяг.
Вся кровь моя есть красный путь к Валгалле,
И каждый мне желанным был как враг.

Я был жрецом на грозном теокалли.
И, дымный в грудь вонзал обсидиан.
Зачем, зачем вся кровь веков и стран?

2

Все в мире правда, в мире все обман.
En esta vida todo es mentira,
Y todo es verdad. В основах мира
Закон разрыва нам глубинно дан.

Вместишь ли в малой капле Океан?
И да, и нет. Среди веселий пира
Без плача звонкой может ли быть лира?
Мост радуг упирается в туман.

Когда бы в Океане безграничном
Мы медлили, мы были б слитны с ним.
А в капле брызги радуг мы дробим.

Смеемся мы и плачем в малом личном.
В вертенье круга – радость и печаль,
Но в высь ведет змеиная спираль.

3

Я не ропщу. Мне ничего не жаль.
Я вижу брата в сильном и в убогом.
Я жертвой был и жертву взявшим богом.
Я сердце и пронзающая сталь.

Я близь – родной души. Я дух – и даль.
Я улыбаюсь, медля над порогом.
Застыв, молюсь в отъединенье строгом.
Я вижу, как рубин течет в хрусталь.

Я чувствую, я знаю, что за гранью
Предельного я вновь найду родник,
Где гранью из безгранного возник,

Со всем моим приду туда, как с данью.
Глянь в зеркало, и верь его гаданью:
На дне глубин преображен твой лик.

РАВНЫЙ ИСУ

И был тот город Ис всех светлее городов и
счастливее. Было в нем цветов и благовоний в изобилии.
Любились в нем так, как будто тела суть души.
И великая с Моря волна затянула однажды
морскою водой город Ис, где он и доньше со всеми
своими башнями.

Из старинной летописи

1

Зорки здесь люди издревле дондесь,
Каждая мысль обнажается,
Дашь талисман им, – усмотрят: «Не весь.
Что-то ты прячешь. Есть таинство здесь».
В четком черта завершается.

Каждое чувство утонченно здесь,
Каждый восторг усложняется.
Дашь им весь блеск свой, – удержат: «Не весь.
Дай половину. Другую завесь».
Солнечник в вечер склоняется.

2

Испанца видя, чувствую – он брат,
Хотя я Русский и Поляк стремленьем.
Я близок Итальянцу звонким пеньем,
Британцу тем, что Океану рад.

Как Парс, душевной музыкой богат,
Как Скандинав – гаданьем и прозреньем.
Как Эллин, изворотлив ухищреньем,
Мысль, как Индус, я превращаю в сад.

Лишь с потонувшим в блеске слов Французом
Не чувствую душевной связи я,
Красива по-иному речь моя.

И все же связан крепким я союзом
С столицей, что в свой водоворот,
Свой лик храня, все токи рек вберет.

3

Мне нравится учтивая прохлада,
С которой ум уму, светясь, далек.
Любой Француз – кипящий зимно ток,
Но это также – свойство водопада.

Всклик девушки в любовный миг: «Не надо!»
В ней стройность чувства вылилась в зарок.
Из этого есть что-то в ритмах строк,
В которых мысль условным чарам рада.

Париж – твердыня формул, теорем,
В изящном он доходит до Китая.
Где я кричу, – он, созерцая, нем.

Где я молчу, – потоком слов блистая,
Он говорит. Искусством весь пленен,
Искусственность в chef-d'oeuvre возводит он.

4

Есть тонкая внестыдность совершенства
В как будто бы бесстыдных торжествах
Явленья плоти, в умственных пирах,
Ведущих смыслы слов до верховенства.

Художник знает ясное блаженство
Отобразить в колдующих зрачках
Нагое тело, весь его размах.
Свет творчества есть право на главенство.

Но в этом также тонкий яд разлит:
Кто видел тайну, тайну не забудет,
Париж – цветок, который вечно будет
Из лиц, из слов, улыбок, стен и плит

Струить намек, что звоны струн пробудит:
Здесь тело в духе цельным сном горит.

5

Париж, Paris, есть город, Ису равный,
А Ис был древле некий Светояр,
Он потонул, морских исполнен чар,
И стал в умах легендой стародавной.

Здесь в храме гимн Изиде пелся плавный,
Мир для богинь стал холоден и стар,
Она ушла, корабль оставя в дар,
Он взят как герб столицей своенравной.

И до сих пор морской чуть веет дух
Над городом, что возлюбил измены,
Волна морей поет во всплесках Сены.

Звон серебристый, вкрадываясь в слух,
Мерцает в речи шелком поцелуя,
Звезда морей все медлит здесь, колдуя.

6

Паскаль. Бальзак. Бодлер. Вилье. Верлен.
Колодец. Буря. Пропась. Перстень. Пляска.
Скальпель. Циклон. Кальян. Прозренье. Сказка.
Пять факелов над станом серых стен.

Я чуял – вами – общей доли плен,
Вы ведали, что в жизни боль завязка,
Что красная скрепляет в сером краска,
Что вертится веретено измен.

От бесконечно-малого пробеги
До бесконечно-грозных величин.
Ум – нищий. Ум – верховный властелин.

Ток вещества, застывший в стройной неге.
Париж. Любовь. Ты вихрь включил во вздох.
Среди богов ты пятистрельный бог.

7

Париж есть стройная баллада,
В узор сплетенная кудель.
Но вдруг в Апрель
Завьется хмель,
И изменяет облик сада.

Париж – законченный сонет,
Вся строгость бального наряда.
Но вдруг от взгляда
Жжет услада,
И порван мерный менуэт.

ИЗДРЕВЛЕ

1

Спокойная зеленая трава,

Вершины скал, шатры небес, лиловы.
Такие ткани часто носят вдовы.
А в небосини тихие слова.

Неслышные, лишь видные едва,
В ней тучки, млея, рвут свои покровы.
Издrevле их сплетенья вечно новы,
Лишь сказкой их любовь стеблей жива.

Клочок к клочку, белея, жметя плотно,
Уже не рвут они сквозную ткань,
А изменяясь ткут свои полотна.

Лавинный ход, снега, и бой, и брань.
Огонь к огню стремится безотчетно.
Душа спала. Гроза грохочет. Встань.

2

Сквозь буквы молний, долу с выси дань,
Скользит псалом, он обернется громом.
Два разных рденья стали водоемом,
И звук дождя – как голос древних нянь.

Усни. Проснись. Забудь. Не видь. Но глянь.
Седые Мойры грезят по изломам.
В ненайденном блаженство, лишь в искомом.
Хоти. Цвети. Но, раз расцвел, увянь.

Все тот же звук, сквозь пряжу дней, доныне.
Седые Мойры, здесь я слышу вас,
Вдыхая вздохом крепкий дух полыни.

Вся радуга – в тончайшей паутине.
Свет звездный жив, когда в поблекший час
Шар Солнца потонул в морской пустыне.

3

За краткий миг сердечной благостыни
Приму, приму тягучие часы.
И верный пахарь черной полосы,
Молельник и слуга лесной святыни.

Мне сладко знать, что глуби неба сини,
Что рожь моя исполнена красы,
Что для моих коней взойдут овсы,
Что золото есть в горной сердцеvine.

Снует челнок, прядя мечту к мечте,

Да маревом заполнятся пустоты,
Когда меня спросит Голос: «Кто ты?» –

Я пропою на роковой черте:
«Я сумрак тучки, полной позолоты,
Цветок, чья жизнь – каженье Красоте».

АДАМ

Я бог Атуму, сущий, я был один...
Атуму, бог Солнцеграда, сотворитель
людей и делатель богов... Атуму,
Солнце ночное...

Египетская запись

1

Адам возник в раю из красной глины,
И был он слеплен божеской рукой.
Но в этом колдовал еще другой,
И все его стремленья не едины.

Так в мире все, от пламени до льдины,
Меняется. У кошки резкий вой
Есть вскрик любви. И ветер круговой
Ломает лес, а в нем поют вершины.

Но, если бы одна была струна,
Не спеть бы ей Симфонии Девятой.
И потому я – нищий и богатый.

Мне Ева – белокурая жена.
Но есть Лилит. Есть час в ночи заклыйтый,
Когда кричит сова и мчит война.

2

Когда кричит сова и мчит война
Потоки душ, одетых разным телом,
Я, призраком застывши онемелым,
Гляжу в колодец звезд, не видя дна.

Зачем Пустыня мира создана?
Зачем безграничный дух прильнул к пределам?
Зачем, – возникну ль желтым или белым, –
Но тень моя всегда везде черна?

Я пробегаю царственные свитки,
Я пролетаю сонмы всех планет,
Но да, ища, всегда находит нет.

Магические выдумав напитки,
Я вижу сны, – но в этих безднах сна
Я знаю, что легенда нам дана.

3

Я знаю, что легенда нам дана
Во всем, что возникает как явление,
Что правда есть, но лишь как обрамление,
Картина же – текучая волна.

В потоке все. Не медлит пелена.
Ни атома, ни мига промедленья.
Любви хочу, но есть одно влюбленье,
Влюбленность, хмель – создание звена.

Я, перед кем померкли исполины,
Я, таинства порвавший всех завес,
В двенадцати искусный Геркулес, –

В одном и в двух – я слаб, как лист осиный
Не есмь! Лишь встал, – уж был, прошел, исчез,
Как изъяснение красочной картины.

4

Как изъяснение красочной картины,
Задуманной не мною, а другим,
Как всплеск, рожденный шорохом морским,
В любви и смерти я лишь миг лавины.

Ни орлий лет, ни гром, ни голос львиный
Не чужды мне. В веках тоской томим,
Не раз мне сатана был побратим,
И, как паук, сплетал я паутины.

Но лишь себя ловил я в тот узор.
И для кого свои меняю лики?
Я протянусь как змейка повилики, –

Я растекусь ключом по срывам гор.
Но лик мой – рознь. В себе – я не единый.
Цветы – в снегах. Цветы – растут из тины.

Цветы – в снегах. Цветы – растут из тины.
 Но что нежнее в безднах бытия, –
 Купава ли болотная моя
 Иль эдельвейс, влюбивший гор вершины?

И камыши, – когда среди трясины
 Они шуршат, – те шорохи струя,
 Поют чуть слышно: «Слитны ты и я,
 Когда умрешь. Дойди до сердцевины.

Смерть в сердце поцелует. Смерть одна,
 Верней любви, объятеем необманном,
 К тебе прильнет, и будешь в счастье странном,

С низинами сольется вышина».
 Но нет. Бегу зимы, к восторгам жданным,
 Цветы цветут, когда идет весна.

Цветы цветут, когда идет весна,
 Весною виден лад всемирной связи,
 Лягушки скачут весело по грязи,
 От жаворонков рдеет вышина.

Там сверху кто-то смотрит из окна.
 Что солнцем называется в рассказе,
 Тот взгляд внизу сверкает в каждом глазе,
 Весною каждый хочет жить сполна.

Умри? Зачем искать я смерти буду,
 Когда весь умираю я в любви.
 Ищи любовь. Следи. Гонись. Лови.

К смертельному здесь причастишься чуду.
 Весна зовет, вольна, хмельна, пьяна.
 И в осени нам власть цвести дана.

И в осени нам власть цвести дана,
 Когда мы смерть с любовью обвенчаем.
 Горит весь лес. За отдаленным краем
 Его владений – чу! – гудит струна.

Какая в этом рденье глубина, –
 Так краски не горят веселым маем.
 И пусть печалью час утрат терзаем, –

Без осени вся наша жизнь бедна.

Лишь осенью, в канунный миг отлета
Заморских птиц, мы слышим журавлей.
И любим мы. И с нами плачет кто-то.

И любим мы. Больнее. Все больней.
Цветут огнем – последние куртины.
И сказочный расцвет кристалла – льдины.

8

И сказочный расцвет кристалла – льдины,
И сказочен немой расцвет снегов,
Когда мельканье белых мотыльков
Наложит власть молчанья на равнины.

Чьи кони мчатся? Белы эти спины
И гривы их. Чуть слышен звук подков
То тут, то там. Безумен свет зрачков
Тех конских глаз. Тот шабаш лошадиный.

Очей белесоватых – ноябрю
Немой привет. Текучим водам – скрепы.
Вертявой вьюги норы и вертепы.

И на себя я в зеркало смотрю.
Все вымыслы торжественны и лепы
Всем пламенем, которым я горю.

9

Всем пламенем, которым я горю,
Всем внутренним негаснущим вулканом,
Я силу правды дам моим обманам
И приведу все тени к алтарю.

Умывшись снегом, боль в себе смирю,
Велю мечтам стать многоликим станом,
Над Золотой Ордою буду ханом
И, приказав, приказ не повторю.

Есть власть в мечте. Я это слишком знаю,
Как ледяной вихрь, я целый мир скую,
Чтоб он молчаньем славу пел мою.

И вдруг – в избушке я, и, внемля лаю
Моих собак, я искрюсь и пою
Всем холодом, в котором замерзаю.

Всем холодом, в котором замерзаю,
 Всем ужасом безжалостной зимы,
 Преджизненными нежитями тьмы,
 Что вражескую в мир стремили стаю, –

Той пыткой, когда душой рыдаю,
 Узнав, что нет исхода из тюрьмы,
 Комком, во что склеилось наше Мы,
 И гробом, где, как тлен, я пропадаю,

Не дам себя всем этим победить,
 И в крайний миг, и в час мой самый жалкий
 Моя душа – работница за прялкой, –

Я с пением кручу живую нить,
 Хоть в пряже радость я перемежаю
 Тоской, чьим снам ни меры нет, ни краю.

Тоской, чьим снам ни меры нет, ни краю,
 В безбрежных днях земли я освящен.
 Я голубым вспоил расцветом лен,
 Он отцветет, я в холст его свиваю.

Я в белизну всех милых одеваю,
 Когда для милых путь земли свершен,
 В расплавленный металл влагаю звон
 И в нем огнем по холоду играю.

Как верный раб, неся дары царю,
 Освобождаем мудрую десницей,
 И труд раба вознагражден сторицей, –

Я в золото все прахи претворю,
 Да в смерти буду встречен, бледнолицый,
 Всей силой, что в мирах зажгла зарю.

Всей силой, что в мирах зажгла зарю
 Над этим миром будней, топей, гатей,
 Всем таинством бесчисленных зачатий
 Жизнь шлет призыв, и я с ней говорю.

Я к древнему склоняюсь янтарию
 И чую дух смолистой благодати,

Врагов считаю вспыхнувшие рати,
Встаю в рядах и с братьями горю.

Что можно знать, – в себя взглянув, я знаю,
Во что возможно верить, – стерегу,
Чтоб на другом быть светлом берегу.

Творя огонь, иду к святому гаю,
И пусть себя, как факел, я дожгу,
Клянусь опять найти дорогу к раю.

13

Клянусь опять найти дорогу к раю,
И в отчий дом возврат мне будет дан,
Когда сполна исчерпаю обман,
В котором зерна правды я собираю.

И к нищенскому если караваю
Касаюсь здесь, – к пределам новых стран
Я устремлю свой смелый караван,
Оазис – мой, мне зацветет он, знаю,

Когда я сам себя переборю, –
Какой еще возможен недруг властный.
За краем снов есть голос полногласный.

Идет тепло на смену декабрю.
И пусть года терзаюсь в пытке страстной, –
Мне бог – закон, и боль – боготворю.

14

Мне бог – закон, и боль – боготворю.
Не мне, не мне, пока иду я тенью,
Здесь предаваться только упоенью,
Но в рабстве я свободный выбор зрю.

Я был цветком, я знал свою зарю,
Стал птицей я, внимал громам как пенью,
Был днем в году, псалмом я был мгновенью,
К земному да причтусь календарю.

А если он окончился, – так что же?
Не лучше ли горенья краткий час,
Чем бездны тьмы? Будь милостив мне, боже.

Ты дал стада мне, – я их зорко пас.
Не для того ль, чтоб сжечь весь плен холстины,
Адам возник в раю – из красной глины.

Адам возник в раю – из красной глины.
 Когда кричит сова и мчит война,
 Я знаю, что легенда нам дана –
 Как изъяснение красочной картины.

Цветы – в снегах, цветы растут – из тины,
 Цветы цветут, – когда идет весна,
 И в осени – нам власть цвести дана,
 И сказочный расцвет кристалла – льдины.

Всем пламенем, которым я горю,
 Всем холодом, в котором замерзаю,
 Тоской, чьим сном ни меры нет, ни краю, –

Всей силой, что в мирах зажгла зарю,
 Клянусь опять найти дорогу к раю, –
 Мне бог – закон, и боль – боготворю.

ОРДАЛИИ

1

Я стал как тонкий бледный серп Луны,
 В ночи восстав от пиршества печалей.
 Долг. Долг. Должна. Я должен. Мы должны.

Но я пришел сюда из вольных далей.
 Ты, Сильный, в чье лицо смотрю сейчас,
 Пытуй меня, веди путем ордалий.

В мои глаза стремя бездонность глаз,
 К ордалиям он вел тропинкой сонной:
 Весы, огонь, вода, полночный час,

Отрава, плуг в отрезе раскаленный,
 Сосуд с водой, где идол вымыт был,
 Змея, и губы, и цветок замгленный.

Их десять, страшных, в капище, кадил,
 Их десять, совершеннейших пытаний,
 Узлов, острий, их десять в жерлах сил.

Вот, углубилось зеркало гаданий.
 Став на весы, качался я, звеня,
 Был взвешен, найден легче вздыханий.

Прошел через сплетения огня,
И, вскрикнув, вышел с ликом обожженным.
В воде, остыв, забыл о цвете дня.

В полночный час я весь был запыленным,
Меж тем как к Тайной Вечери я шел.
Я выпил яд, и утонул в бездонном.

Горячим плугом, возле серых сел,
Вспахал такую пашню, что поныне
Там только жгучий стебель рос и цвел.

Сосуд с водой, где идол был, в гордыне
Я опрокинул, влага потекла,
Семь дней пути лишь цвет цветет полыни.

Змея свила мне тридцать три узла,
И я возник посмешищем дракона,
Дробя собой без счета зеркала.

Я губы пил, но я не видел лона,
К которому я весь приник, дрожа,
Отверг губами губы, в вихре стога.

И длинная означилась межа,
На ней цветок был, царственный замгленный,
Коснулся, цвет его был шар ежа.

Я десять воплей издал иступленный,
Я десять, в пытке, разорвал узлов,
И был один, дрожащий, побежденный.

А в зыбях сна был гул колоколов.

2

О, то был час, – о, то был час,
Когда кошмары, налегая,
Всю смелость выпивают в нас, –
Но быстро опознал врага я.

Был в вихре вражьих голосов,
Но шел путем введуще-тесным,
И при качании весов
Был найден ценно-полновесным.

Как золотистое зерно,
Как самородок, в прахах цельный,
Как многозмейное звено,
Что держит якорь корабельный.

3

Не рыдая, дождался я огненных рдяных ордалий,
 Не вздыхая, смотрел, как горит, раздвигаясь, костер,
 Самоскрепленный дух – как клинок из отточенной стали,
 Человеческий дух в испытаньях бывает хитер.

Я припомнил, как в дни возвещений, что знала Кассандра,
 Человеческий ток был сожжен в прославление погонь,
 Я припомнил тот знак, при котором, горя, саламандра
 Не сгорает, а лишь веселит заплясавший огонь.

И взглянув как Весна, я взошел в задрожавшее пламя,
 Отступила стена, отступила другая стена,
 Через огненный путь я пронес многоцветное знамя,
 И, не тронут огнем, наклонился к кринице без дна.

4

И помолясь святой водице,
 Ее ничем не осквернил.
 От благ своих дал зверю, птице,
 Был осребрен от звездных сил.

Был позлащен верховным Шаром,
 Что Солнцем назвал в песне я.
 Предупреждающим пожаром
 Я был в провалах Бытия.

5

Полночный час я весь окутал в тучи,
 Поил в ночи, для должных миггов, гром,
 Псалмы души зарнились мне, певучи,
 И колосились молнии кругом.

Насущный хлеб от злой спасая чары,
 Я возлюбил небесное гумно,
 И я восполнил звездные амбары,
 Им принеся душистое зерно.

6

Ах, яд в отравных снах красив,
 И искусился ядом я.
 Но выпил яд, заговорив,
 Я им не портил стебли нив,

В свой дух отраву мысли влив,
Я говорил: Душа – моя.

О, я других не отравлял,
Клянусь, что в этом честен стих.
И может быть, я робко-мал,
Но я в соблазн ядов не впал,
Я лишь горел, перегорал,
Пока, свечой, я не затих.

Я с Богом не вступаю в спор,
Я весь в священной тишине.
На полноцветный став ковер,
Я кончил с ядом разговор,
И не отравлен мой убор,
Хоть в перстне – яд, и он – на мне.

7

Узнав, что в плуге лезвие огня,
Я им вспахал, для кругодневья, поле,
Колосья наклоняются, звеня,
Зернится разум, чувства – в нежной доле.

Люблю, сохой разъятый, чернозем,
Люблю я плуг, в отрезе раскаленный,
С полей домой, вдвоем, мы хлеб несем,
Я и она, пред кем я раб влюбленный.

8

Сосуд с водой, где идол был,
Где идол вымыт был до бога,
Я освятил крестом стропил,
Поставил в глубине чертога.

И он стоит, закрыв глаза,
В своей красе необычаен,
Его задумала гроза,
Он быстрой молнией изваян.

9

Жезл, мой жезл, которым скалы
Разверзал я для ручья,
Брошен. Поднят. И опалы
Светят сверху. Где змея?

Жезл, мой жезл, которым царства

Укреплял я в бытии,
Блещет. Кончены мытарства.
Сплел с жезлом я две змеи.

10

Румяные губы друг другу сказали,
В блаженстве слившихся уст,
Что, если цветы и не чужды печали,
Все ж мед благовонен и густ.

И если цветы, расцветая, блистая,
Все ж ведают, в веснах, и грусть,
Прекрасна, о, смертный, молитва святая,
Что ты прочитал наизусть...

Красивы нелгущие влажные неги,
Целуй поцелуй до дна,
Красивы уста и застывшие в снеге
Сомкнуть смертельного сна.

Смотри, как торжественно стройны и строги
Твои, перешедшие мост,
Твои дорогие, на Млечной Дороге
Идущие волею звезд.

11

И если вправду царственник замгленный
Последний есть среди цветов цветков,
Его шипы дают нам плат червлёный,
Волшебный плат, махни – и вот поток.

Не слез поток, а полноводье тока,
В котором все, что жаждут без конца,
Придя, испьют, придя, вздохнут глубоко,
И примут сказку вод в черты лица.

Забвенные, как голос грезы звонной,
Как луч в ночи, пришедший с высоты,
Они возьмут тот царственник замгленный.
И так пойдут. Возьми его и ты.

12

Так видел я, во сне ли, наяву ли,
Видение, что здесь я записал,
И весь, душой, я был в Пасхальном гуле.

За звоном звон, как бы взнесенный вал,
Гудя и убежденно возрастая,
Дивящуюся мысль куда-то мчал.

Как будто обручалась молодая
Луна с Звездой в заутрени Небес,
И млели мраки, сладко в Солнце тая.

Привет, огонь, вода, и луг, и лес,
Ты, капля крови, цветик анемона,
Цвети, привет, я верю в путь чудес.

Я малый звук в великих зыбях звона.

ПОЛНОЧЬ

Зеленое древо нездешнего сева, быть может с Венеры, быть может с Луны,
Цвело, расцветало, качалось, качало, и птицами пело, и реяли сны.
Топор был веселый, жужжащие пчелы летели, бросая свой улей навек.
Удар был упорный, припевно-повторный, и звонкую песню пропел дровосек.
Мы все это знали из дыма печали, из пенья и тленья пылающих дров.
Так будет и с нами, с горящими в Храме, так будет с мирами во веки веков.

Печатается по: Бальмонт, К. Д. ЯСЕНЬ. Видение Древа. Иваново – Москва:
Издатель Епишева О. В., 2015

Сформатировано на <http://rusilverage.blogspot.com/>